
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ГОДЫ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА

Оперативная обстановка в Вооруженных силах СССР

В результате проведения зимней кампании 1942–1943 гг. советские войска продвинулись вперед на 600–700 км, было разгромлено свыше 100 дивизий противника, действовавших на советско-германском фронте. Ощутимы были потери и советских войск, в связи с чем требовалось значительно увеличить объем пополнения, мобилизовать в армию и во флот новые возрастные категории советских граждан, призывать тех, кто проживал на временно оккупированной территории, освобожденной Красной армией. Большинство мобилизуемых на фронт составляли лица, родившиеся уже при советской власти, воспитанные в патриотическом духе.

Большое количество вновь мобилизованных приходилось на представителей коренных национальностей советских республик Средней Азии. По свидетельству Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко в конце 1942 г. в состав Сталинградского фронта прибыл 4-й кавалерийский корпус, в котором 70% личного состава составляли узбеки и казахи. Их подготовка вызывала много сомнений¹. Слабое знание русского языка, предопределявшее плохое усвоение, а затем и ненадлежащее выполнение ими приказов командиров и начальников, самым непосредственным образом влияло на решение боевых задач воинскими частями.

В своих дневниках А. И. Еременко отметил и другой малоизвестный факт: в числе пополнения на Калининский фронт в середине июля 1943 г. прибыло 20 уже сформированных штрафных рот, созданных по решению ГКО из лиц, осужденных на длительные сроки заключения². Примерно такое же количество штрафных рот получили и другие фронты. Вместе с тем к 1943 г. устойчивость войск обеспечивала прослойка военнослужащих, которые участвовали в боевых действиях с первых месяцев войны и приобрели необходимый фронтовой опыт. Именно они цементировали подразделения, заражая уверенностью в победе над врагом молодых солдат.

В октябре 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР упразднил институт комиссаров и вновь установил полное единоначалие, указав тем самым на возросшее доверие к командному составу Красной армии и флота.

Приобрели хорошие навыки работы в боевых условиях и партийно-политические органы. Основная масса политработников вполне эффективно вела пропагандистскую и

7-ой вариант.

1

ПОПРАВКИ, СДЕЛАННЫЕ ТОВАРИЩЕМ И. В. СТАЛИНЫМ, - 23. IV -
НА ПРЕДЛОЖЕНИИ НАМИ ТОВАРИЩА ГИМНА.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ЭЛЬ - РЕГИСТАН.

Союз нерушимый республик)
СВОБОДНЫХ НАРОДОВ СССР - БЛАГОРОДНЫЙ.

Союз нерушимый свободных народов
Свободных народов - ~~союз~~ - благородный

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует, созданный волей народов,

Единый, могучий Советский Союз!

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТВЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ ~~НАШ~~ НАРОД.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,

И великий наш
Нам ЛЕНИН в ~~предущее~~ путь озарил.

Нас вырастил СТАЛИН *на верность народу!*
- избранник народа,

На труд и на подвиги нас вдохновил.

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТВЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ ~~НАШ~~ НАРОД!

ПРИМЕЧАНИЕ: Поправки тов. СТАЛИНА, сделанные им от руки синими чернилами / мы пометили здесь красным карандашом; синим карандашом помечены иные окончательная редакция, принятая товарищем СТАЛИНЫМ, МОЛОТОВЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ.

контрпропагандистскую деятельность. Для положительного воздействия на политико-моральное состояние рядового и командно-начальствующего состава широко стали использоваться примеры зверств оккупантов во временно занятых ими районах нашей страны. Укреплению политико-морального состояния войск способствовало и переименование многих частей и соединений в гвардейские. На основании приказов народного комиссара обороны только за первую половину 1943 г. более 100 полков, бригад, дивизий, корпусов и армий стали гвардейскими³. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 января и 15 февраля 1943 г. впервые после революции были введены погоны для личного состава Красной армии и ВМФ⁴.

В 1943 г. произошло изменение политики государственных и партийных властей в отношении Русской православной церкви (РПЦ). Повышение роли церкви в мобилизации духовных сил всего общества, и вооруженных сил в частности, имело важное значение в переломный период войны. Среди верующих на всей территории СССР активизировался сбор средств в Фонд обороны, а также на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий. Призывы церкви к беспощадной борьбе с захватчиками находили отклик в сердцах огромной массы военнослужащих, особенно выходцев из сельских районов страны, где, несмотря на гонения в отношении священнослужителей в 1920–1930-е гг., у населения сохранились религиозные чувства. Всё это военные контрразведчики учитывали в своей работе. Никаких репрессивных мер в отношении солдат и офицеров, открыто проявляющих свою религиозность, не принималось, выражение своей приверженности той или иной конфессии не являлось основанием для подозрений в какой-либо противоправной деятельности, прежде всего антисоветской. Лишь к представителям разного рода сект, не желавшим брать в руки оружие для защиты Отечества, органы госбезопасности относились с повышенным вниманием и зачастую добивались предания их суду военного трибунала.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в конце 1943 г. был утвержден, а затем опубликован во всех центральных и местных газетах новый гимн Союза ССР. Это стало знаковым событием, неоднозначно воспринятым различными категориями граждан. Руководство страны хотело знать мнение населения и особенно военнослужащих на свой далеко не ординарный политико-идеологический шаг. Соответствующее поручение в этом направлении было дано и органам контрразведки Смерш.

Уже 23 декабря 1943 г. В. С. Абакумов представил И. В. Сталину спецсообщение «О реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР»⁵. Военные контрразведчики выборочно, однако достаточно репрезентативно отразили в докладе мнения различных категорий лиц — от лейтенантов до маршалов, от офицеров фронтовых воинских частей до руководителей структурных подразделений Наркомата обороны и Генерального штаба. Судя по тексту спецсообщения, большинство офицеров и генералов с одобрением встретили новый гимн, подчеркивали, что он славит нашу великую Родину и нерушимый Союз Советских Социалистических Республик, отражает сущность государственного строя, проникнут чувством патриотизма и вселяет уверенность в скорую победу над врагом.

Вместе с тем контрразведчики выявили и негативные тенденции во взглядах некоторых военнослужащих на советскую внешнюю и внутреннюю политику, взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции, роль И. В. Сталина до и в ходе войны, ведущую роль русского народа в борьбе с захватчиками. Подобные высказывания в основном фиксировались со стороны представителей среднего звена командно-начальствующего состава и инженерно-технического персонала. За столь короткий срок изучить настроения рядового состава Красной армии сотрудники органов Смерш, конечно, не успели, но в дальнейшем они учитывали высказывания, связанные со сменой государственного гимна, в работе по выявлению лиц, подрывавших политико-моральное состояние частей армии и флота.

Одним из индикаторов политико-морального состояния войск для органов военной контрразведки являлись сведения, содержащиеся в обобщенных сводках отделений военной цензуры (ОВЦ) НКГБ СССР при армиях. Вот, к примеру, что говорилось в одной

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ВОЕННОМУ ПОСТУ ПО
КОМАНДУ ЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА
ПЕРЕДАЕТСЯ ТЕЛЕГРАФИЧ И ЛУЧЕВЫХ ТЕЛЕГРАФИЧНО-ВУЛКАНО
НАЧАЛЬНИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА ИЛИ ДРУГОГО ПРИКАЗАН
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ ПЕРЕДАЕТСЯ ВЫИСКА
ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР НА ДИЧНИК
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА НАЧАЛЬНИКА ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ: 18 АПРЕЛЯ 1943 Г. № 415-138С МОСКВА, КРЕМЛЬ
КОМИССАРИ ОБОРОНЫ РЕОРГАНИЗОВАТЬ ЕГО В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРАРАЗВЕДКИ ИЛИ СЕРВ. СЕРВ. ВЛИЯНИЕ ПОСТАВИТЬ ПЕРЕД
СЛЕДУЮЩИЕ ЗАДАЧИ: 1. БОРЬБА СО ШПИОНСКОЙ ДИВЕРСИОННОЙ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ИНОЙ ПОДЛЕЗНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ
РАЗВЕДКИ В ЧАСТЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ, 2. БОРЬБА С
АНТИСОВЕТСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ, ПРОНИКНУШИ В ЧАСТИ И УЧРЕЖДЕНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ С ПРИНЯТИЕМ НЕОБХОДИМЫХ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНЫХ
И ИНЫХ МЕР В КОНКРЕТНОМ МЕР К СОЗДАНИЮ НА ФРОНТАХ УСЛОВИЙ
ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЬ ЗАЕМКА КАЖДОГО ПРОХОДА АГЕНТУРЫ
ПРОТИВНИКА ЧЕРЕЗ ПЯТЫЕ ФРОНТЫ СТЕП, ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЛИНИЮ
ФРОНТА НЕПРОНИЦАЕМОЙ ДЛЯ ШПИОНСКИХ И АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ
3. БОРЬБА С ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ И ИЗМЕНОЮ РОДИНЕ В ЧАСТЯХ И
УЧРЕЖДЕНИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ, ПЕРЕХОД НА СТОРОНУ ПРОТИВНИКА
И РИЗДЕЛСТВО, ШПИОНОВ И ВООБЩЕ СОДЕЯТЕЛЬСТВЕ РАБОТЕ ПОСЛЕДНИХ
4. БОРЬБА С ДИЗЕРТИРСТВОМ И ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ НА ФРОНТАХ
ПРОВЕРКА ВОЕННОСЛУЖАВЩИХ И ДРУГИХ ЛИЦ, БЫВШИХ В ПЛЕНУ И
ОКРУЖЕНИИ ПРОТИВНИКА - 2. ВЫПОЛНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ - 2. УСТАНОВИТЬ, ЧТО ОРГАНИЗ.
ОСВОБОДИТЬ ЕГО ОТ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЯКОЙ ДРУГОЙ РАБОТЫ, НЕ
СВЯЗАННОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО С ЗАДАЧАМИ, ИЗЛОЖЕННЫМИ В П
НАСТОЯЩЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ - 3. НАЗНАЧИТЬ ТОВАРИЩА ВИНТО
СЕНЕНОВА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ И
НАЧАЛЬНИКОМ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАРАЗВЕДКИ ИЛИ СЕРВ.
ОСВОБОДИТЬ ЕГО ОТ РАБОТЫ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА
ВНЕШНИХ ДЕЛ СССР, ЗАМЕСТИТЕЛЯ И НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАРАЗВЕДКИ ИЛИ СЕРВ. ТОВАРИЩА ПАВЛА
ЯКОВЛЕВИЧА, ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ В НКВД СССР, ТОВАРИЩА
ДЕЛИВИЧЕВСКОГО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ
НАЧАЛЬНИКА ОБ НКВД ДИВНОГО ФРОНТА И ТОВАРИЩА ИСАЯ ЯКОВЛЕВИЧА
ОСВОБОДИТЬ ЕГО ОТ РАБОТЫ НАЧАЛЬНИКА ОБ НКВД СЕВЕРНО-ЗАПАДНОГО
ФРОНТА - ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР И СТА
УПРАВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СОВЕТОМ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР - Я ЧАДЕР

Телеграмма начальника Генерального штаба об образовании ГУКР НКО Смерш

из сводок ОВЦ 13-й армии Центрального фронта от 8 июля 1943 г., в преддверии Курской битвы: «За 5 и 6 июля цензурировано исходящей корреспонденции 55 336 писем, из них на национальных языках народов СССР — 6914. Из общего числа проверенной корреспонденции обнаружено отрицательных высказываний 21, относящихся к жалобам на недостаток в питании и отсутствие табака. Вся остальная корреспонденция (55 315 писем) патриотического характера, отражающая преданность нашей Родине и любовь к Отечеству. Бойцы и командиры горят желанием немедленно вступить в решающее сражение с ненавистным врагом»⁶.

Специальная сводка ОВЦ по этой же армии за период с 25 июня по 9 июля 1943 г. была посвящена обзору писем только на национальных языках. Отдел военной цензуры проверил 52 853 письма и сообщил, что в корреспонденции присутствуют патриотические мотивы, вера в силу советского оружия⁷.

Все указанное выше и другие факторы, включая, конечно же, увеличивавшиеся поставки в войска боевой техники и вооружения, положительно сказывались на ходе и исходе наступательных операций Красной армии и сил флота во втором периоде войны, начало которым положило контрнаступление под Сталинградом 19 ноября 1942 г.

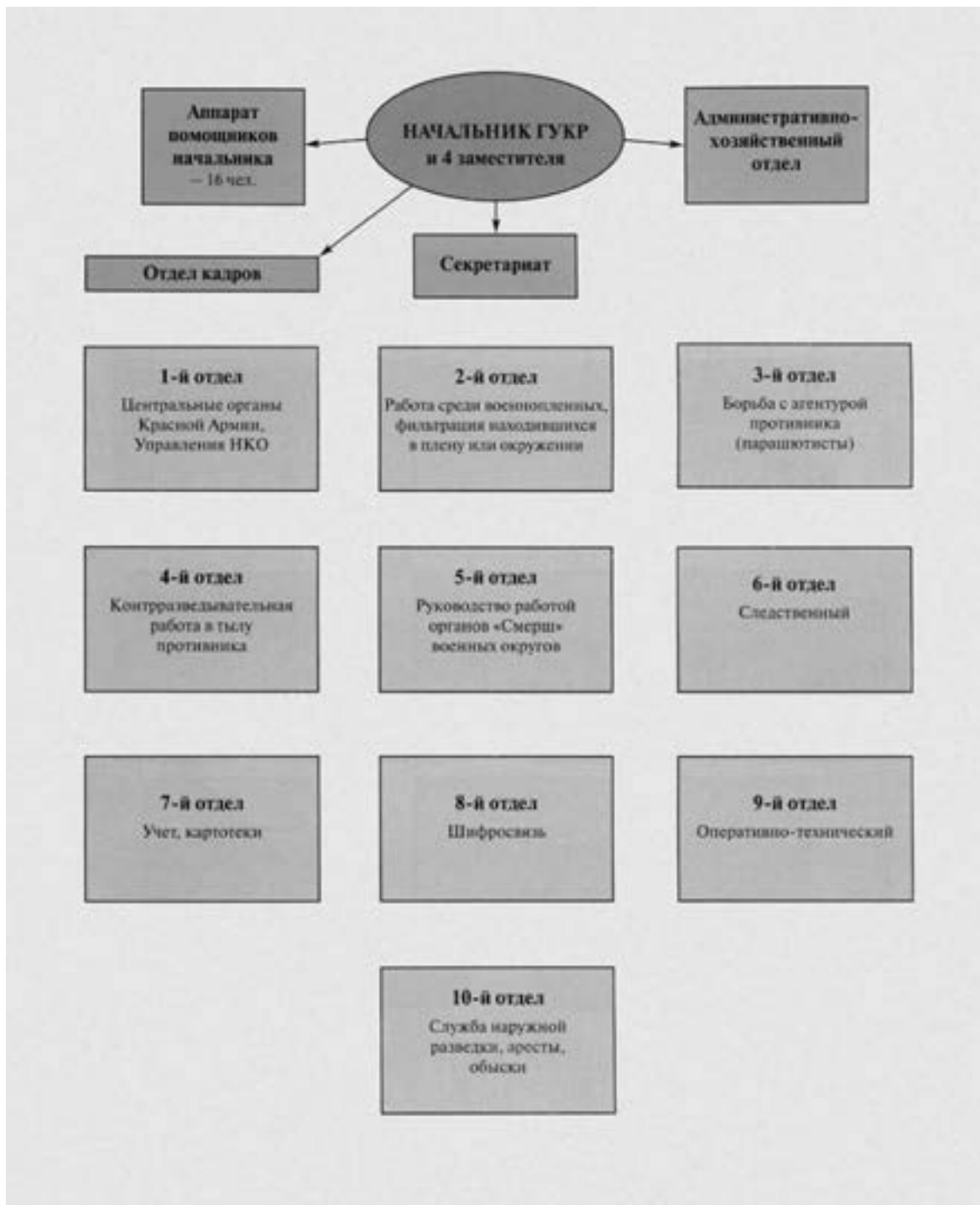
Повышение уровня политико-морального состояния войск, положительные изменения в области управления ими, организованности, воинской дисциплины, а также порядка в деле снабжения продовольствием и обмундированием, не говоря уже о вооружении, напрямую влияли на оперативную и следственную работу органов военной контрразведки.

К лету 1943 г. особые отделы (а затем органы Смерш) соединений и объединений уже достаточно детально изучили построение и методы работы спецслужб противника. В сообщении от 1 июля ГУКР НКО Смерш в ГКО отмечалось, в частности, что за время войны удалось выявить 23 разведывательные и диверсионные школы, а также 66 разведывательных команд и групп, действующих на советско-германском фронте. На дату доклада военные контрразведчики разоблачили и арестовали 15 443 агента германской разведки и имели в своем распоряжении их детальные показания, раскрывающие формы и методы работы врага⁸.

Большое значение имело выявление, установление структуры и вариантов использования противником разнообразных вооруженных формирований из числа послереволюционных эмигрантов и бывших военнослужащих нашей армии и флота, а также жителей оккупированных районов. Эти лица были наиболее податливым элементом для осуществления вербовочной работы немецких и других спецслужб, проведения разведки во фронтовой полосе и ближайшем тылу наших войск, реализации провокационных и идеологических акций. Известны не единичные факты, когда предатели составляли даже экипажи захваченной советской бронетехники и использовали ее в боевых действиях против частей Красной армии. Так, к примеру, в ходе боев 11 июля 1943 г. на Курской дуге немцы применили группу танков Т-34, которую поставили во главе колонны немецких бронемашин. Благодаря этому во время перегруппировки соединений 35-го гвардейского стрелкового корпуса противник легко продвинулся в глубь нашей обороны более чем на 10 км, слившись с частями отходящей 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Таким образом, изменники помогли врагу овладеть г. Ржавец. При этом 92-я дивизия понесла серьезные потери в личном составе и утратила практически всю материальную часть⁹.

Еще в 1942 г. при 1-м отделе штаба «Валли», о котором уже шла речь ранее, был создан особый штаб «Россия», больше известный как зондерштаб «Р». Возглавил его русский эмигрант майор немецкой армии Б. А. Смысловский (он же фон Регенау), а разведывательный отдел — изменник Родины, бывший до июля 1942 г. командиром 1-го отдельного стрелкового корпуса 56-й армии Северо-Кавказского фронта, М. М. Шаповалов¹⁰. Наряду с проведением карательных операций против партизан зондерштаб «Р» занимался разведкой в тылу Красной армии, в том числе оставлял свою проверенную агентуру в освобождаемых от оккупантов районах¹¹.

Военные контрразведчики владели информацией о войсковых соединениях, известных, как Русская национальная бригада СС, Русская национальная народная армия (РННА),

Структура ГУКР НКО Смерш, утвержденная И. В. Сталиным 27 апреля 1943 г.

Б. А. Смысловский

А. А. Власов

легион «Идель — Урал», Кавказский полк особого назначения «Бергман», состоявший из азербайджанского, грузинского и северокавказского батальонов, а также о так называемой Русской освободительной армии, непосредственно руководимой изменником Родины, бывшим генералом Красной армии А. А. Власовым. Известно было и о формировании и действиях казачьих частей. Уже во второй половине 1942 г. эти части имелись в составе нескольких немецких армий и охранных дивизий.

Для планирования и успешного проведения активной контрразведывательной и разложеческой работы по указанным выше и другим вооруженным формированиям начальник Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов приказал всем руководителям фронтовых и армейских аппаратов военной контрразведки наладить анализ поступающей информации об их появлении в зоне ответственности того или иного особого отдела, задержании участников и результатах их допросов. Особое внимание предлагалось уделить сбору сведений о командном составе, прикомандированных офицерах германской военной и политической разведки, политико-моральном состоянии личного состава антисоветских формирований¹².

В результате целенаправленной работы аппаратов спецпропаганды политорганов РККА, подпольных организаций, партизан, оперативных групп 4-го управления НКВД — НКГБ, а также военной контрразведки многие солдаты и командиры указанных формирований перешли на сторону Красной армии. Так, только со 2 по 12 августа 1943 г. на участке ответственности 13-й армии Центрального фронта через передовые позиции прошли и сдались в плен четыре группы солдат Грузинского легиона. Они показали при допросах, что моральное состояние их батальона крайне низкое и большинство солдат легиона имеют желание влиться в части Красной армии, чтобы на ее стороне сражаться с немецкими захватчиками¹³.

Успешной работе особых отделов — органов Смерш способствовало укрепление нормативно-правовой базы их функционирования во втором периоде войны. Так, приказом народного комиссара обороны № 0283 от 19 апреля 1943 г. был объявлен указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах наказания шпионов, изменников Родины из числа со-

ветских граждан и образовании военно-полевых судов. В нем, в частности, говорилось, что ко всем преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, к их пособникам из местного населения до того времени применялась мера возмездия, явно не соответствовавшая их злодеяниям. Поэтому для наказания немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских военнослужащих, чиновников оккупационных властей и коллаборационистов, а также шпионов и изменников Родины создавались военно-полевые суды. В состав суда входили председатель военного трибунала дивизии, заместитель командира дивизии по политической части и начальник особого отдела НКВД. Приговоры военно-полевого суда должны были приводиться в исполнение немедленно. Участников карательных акций, а также шпионов и изменников Родины надлежало приговаривать к смертной казни через повешение, а пособников оккупантов, уличенных в содействии совершению злодеяний, — к каторжным работам на срок от 13 до 20 лет. Для целенаправленного психологического воздействия на местное население и военнослужащих признавалось необходимым проводить казнь публично для демонстрации того, какое возмездие ждет тех, кто совершал насилие и расправу над мирными гражданами и советскими военнопленными и кто предал свою Родину¹⁴.

Данный указ ПВС СССР двояким образом сказался на практической и прежде всего следственной работе органов госбезопасности. С одной стороны, он позволял отдельным сотрудникам не слишком заботиться о скрупулезном, детальном расследовании деяний, совершенных пособниками врага, шпионами и изменниками, что приводило порой к трагическим судебным ошибкам. А с другой — реализация указа положительно влияла на политико-моральное состояние войск, отражала отношение населения освобожденных от оккупантов районов к тем, кто помогал врагу. Все знали, что изменникам, карателям и другим активным пособникам военных противников СССР уготовано лишь короткое заседание военно-полевого суда и незамедлительное приведение приговора о высшей мере наказания в исполнение. Это давало хороший профилактический эффект и укрепляло настрой людей на содействие командованию и органам государственной безопасности в нейтрализации подрывных элементов, включая шпионов, диверсантов, агентуру гестапо и СД.

Серьезное значение для оперативных работников, следователей и их руководителей имело специальное постановление пленума Верховного суда СССР от 25 ноября 1943 г. «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками»¹⁵. В тексте постановления указывалось, что судебная практика (а следовательно, и оперативно-чекистская) шла по пути квалификации всякого содействия, оказанного советскими гражданами врагу, как измена Родине, независимо от характера этого деяния. В связи с этим нередко выносились суровые приговоры, не соответствовавшие духу и букве указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. Применение изложенной в постановлении пленума Верховного суда СССР градации тех или иных деяний по степени их опасности для государства, а также описание действий, вообще не влекущих за собой уголовной ответственности, способствовали устранению возможных ошибок при вынесении военно-полевыми судами приговоров.

Наличие правовой базы, определявшей следственную работу органов государственной безопасности, в том числе и военной контрразведки, еще не означало, что на практике, во фронтовых условиях, не допускались нарушения процессуальных норм при расследовании уголовных дел. Военные прокуроры, надзиравшие за следствием в особых отделах НКВД, а затем в органах Смерш, также далеко не всегда оказывались на высоте положения и недостаточно принципиально реагировали на имевшие место отклонения от норм закона.

Характерные примеры содержатся в докладной записке начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова председателю ГКО и наркому обороны И. В. Сталину о проведенном расследовании по донесению командующего 7-й отдельной армией генерал-майора А. Н. Крутикова. Командарм в апреле 1943 г. написал наркому обороны об искривлении следственной практики в особом отделе армии. По указанию И. В. Сталина для изучения дел на месте в штаб армии были командированы

Совершенно секретно 98

Согласно № 9/СМ
НБ 20 9...

П Р И К А З

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ 0086 С.Ш.

7 июня 1943 года.

гор. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ:

Об организации школ и курсов Главного Управления контрразведки НКВД "СМЕРИ" и создании резерва оперативного состава при Управлениях и отделах фронтов и военных округов.

1. Для подготовки и переподготовки оперативного состава органов "СМЕРИ" организовать при Главном Управлении контрразведки "СМЕРИ" 4 постоянных школы: 1-ую Московскую - на 600 чел., 2-ую Московскую - на 200 чел., Ташкентскую - на 300 чел., Хабаровскую - на 250 чел. и курсы с 4-х месячным сроком обучения в г.г. Новосибирске - на 200 чел. и Свердловске - на 200 чел.

2. Для слушателей школ и курсов установить денежное содержание:

изучивать
В.А. Б.А. В.А.

лицам среднего и старшего начальствующего состава по ранее занимаемым должностям;

лицам рядового и младшего начальствующего состава стипендий в размере 400 рублей в месяц.

3. Начальнику Главного Управления Тыла Красной Армии генерал-полковнику интендантской службы тов. ХРУЛЕВУ обеспечить школы и курсы всеми видами довольствия.

4. Для укомплектования кадрами органов контрразведки "СМЕРИ" новых формирований и пополнения убыли оперативного состава, - создать при Главном Управлении контрразведки "СМЕРИ", Управлениях и отделах фронтов и военных округов постоянно действующий

резерв кадров ^{№ 50 - 100} ~~от 50 до 100~~ человек.

Резерв пополнять за счет нового набора из числа младшего и среднего командно-политического состава армии.

Личный состав резерва содержать за счет общего некомплекта контрразведки "СМЕРШ" и тарифицировать по ставкам, установленным для должностей оперативного состава органов "СМЕРШ".

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ

(И. СТАЛИН)

представители ГлавПУ РККА и ГУКР НКО Смерш, а упомянутых генералом Крутиковым «шпионов» доставили в Москву, где их лично допросили А. С. Щербаков и В. С. Абакумов. В результате проведенной работы были установлены реально имевшие место факты нарушений в работе сотрудников особого отдела при расследовании уголовных дел в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, измене Родине и антисоветской пропаганде. Основными причинами такого положения являлись: поверхностная и тенденциозная оценка материалов дел, использование непроверенных сведений из донесений секретных осведомителей, упор при расследовании на признание подозреваемыми своей вины. Надзирающие прокуроры знали об этом, однако не реагировали должным образом. В итоговом документе комиссии констатировалось: «В работе особого отдела армии и особых отделов соединений имели место крупные и серьезные недостатки, а также извращения»¹⁶.

На основании предложений комиссии нарком обороны подписал приказ № 0089 от 31 мая 1943 г., в соответствии с которым заместитель начальника особого отдела 7-й отдельной армии (он же начальник следственной части) подполковник Керзон и старший следователь Ильяйнен были уволены из органов контрразведки и осуждены на пять лет лишения свободы. Уволили и трех следователей с направлением их в штрафной батальон. Начальнику особого отдела армии полковнику И. П. Добровольскому за отсутствие контроля над работой следственной части был объявлен выговор с предупреждением. Одновременно был снят с должности и понижен в воинском звании помощник военного прокурора армии майор юстиции Васильев, а сам военный прокурор полковник юстиции Герасимов наказан в дисциплинарном порядке¹⁷.

Главным управлением контрразведки Смерш, управлениями контрразведки фронтов и соответствующими отделами армий неоднократно предпринимались выезды на места для изучения состояния следственной работы в подчиненных органах. Так, в ходе проверки сигнала, поступившего в УКР Смерш Южного фронта, о недостойном поведении следователя ОКР Смерш 50-го запасного полка 44-й армии были вскрыты серьезные недостатки и нарушения процессуальных норм. Выяснились факты угроз подследственным и даже случаи их избиения. Приказом начальника отдела Смерш армии полковника Б. М. Самогородского следователь, допустивший нарушения законности, был отстранен от работы, а его начальник получил взыскание¹⁸.

Подобные случаи произошли в отделе военной контрразведки 56-й армии. В докладной записке военного прокурора этого объединения указывалось: «Органами ОКР «Смерш» 56-й армии проведена огромная работа по выявлению и разоблачению контрреволюционного предательского элемента, пробравшегося в ряды Красной армии и засланного немецкими разведывательными органами... Однако наряду с этим ряд работников ОКР «Смерш» армии допускали извращения следственной практики и необоснованные аресты военнослужащих по обвинению их в контрреволюционных преступлениях»¹⁹. Как оказалось, следователи использовали заявления лжесвидетелей и обвиняли ряд лиц в намерении изменить Родине или в контрреволюционной пропаганде. В итоге разбирательства по данным случаям нарушители закона понесли заслуженное наказание.

Приведенные факты являлись единичными и никак не умаляют огромной работы следователей и оперработников, основанной на нормах действовавших в те годы законов.

В начале июня 1943 г. начальник ГУКР НКО Смерш направил руководителям подчиненных органов указание об улучшении следственной работы. В преамбуле данного документа отмечалось, что начальники управлений и отделов военной контрразведки еще недостаточно предметно руководят следственной работой. Исходя из этого, им предлагалось принять меры к укомплектованию следственных подразделений опытными работниками и постоянно оказывать им практическую помощь, а в случаях возбуждения уголовных дел по шпионажу в аппаратах Смерш дивизий и армий передавать их для более квалифицированной оценки и дальнейшего расследования в соответствующие структуры фронтового уровня или уровня военных округов. В. С. Абакумов указал на необходимость тщательной проверки показаний обвиняемых и свидетелей²⁰.

Для контроля выполнения на практике указания начальника ГУКР Смерш в управления контрразведки фронтов выезжали комиссии, а по результатам их работы созывались совещания для обсуждения состояния дел и принимались необходимые организационно-кадровые решения. К примеру, в конце августа 1943 г. было проведено двухдневное совещание в Краснодаре в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта. В его работе приняли участие военный прокурор и председатель военного трибунала фронта. Заместитель начальника Управления контрразведки сообщил присутствующим, что после получения указания начальника главка была осуществлена проверка следственных подразделений по кадровой линии, в ходе которой отчислены слабоквалифицированные офицеры и те, кто допускал какие-либо нарушения уголовно-процессуальных норм. Была также введена практика обязательного согласования оперативными работниками со следователем вопроса о возбуждении того или иного уголовного дела. В итоге количество возбужденных дел в органах военной контрразведки объединений и соединений фронта сократилось, стало шире применяться профилактическое воздействие на военнослужащих с целью недопущения реальных преступных действий с их стороны²¹.

На втором этапе Великой Отечественной войны совершенствовалась нормативная база организации и проведения оперативной работы. Сюда прежде всего относятся следующие основополагающие документы: указание Управления особых отделов НКВД СССР № 1694 от 20 января 1943 г. о правилах переброски агентуры на сторону противника; Инструкция по организации и проведению радиоигр с противником, объявленная директивой ГУКР НКО Смерш 16 июля 1943 г.; приказ начальника ГУКР НКО Смерш от 2 сентября 1943 г. об усилении работы по розыску и ликвидации агентуры германской военной разведки; Инструкция по организации розыскной работы, разработанная в развитие приказа.

Серьезным подспорьем для фронтовых военных контрразведчиков стала специальная инструкция, разработанная летом 1943 г. в ГУКР НКО Смерш, по организации и проведению радиоигр с противником с использованием захваченных агентурных радиостанций. Она появилась в преддверии Курской битвы и сыграла свою роль как инструмент для более эффективной работы в указанном направлении. В основе инструкции лежали результаты анализа предшествующего опыта как непосредственно контрразведывательной деятельности, так и взаимодействия с Генеральным штабом Красной армии и штабами фронтов.

Уже в начале 1943 г. контрразведчики четко определились с каналами проникновения агентуры противника в войска. К ним относились следующие: 1) вербовка захваченных в плен военнослужащих и в короткое время возвращение их в часть под видом отставших, заблудившихся, раненых; 2) переброска агентуры в расположение наших войск под видом выходящих из окружения или бежавших из плена в расчете на то, что эта агентура непосредственно либо через лагеря попадает в действующую армию; 3) перевербовка зафронтной агентуры разведорганов армии и фронта в целях внедрения через нее в разведотделы штабов; 4) внедрение агентуры прямо или путем подставы ее военнослужащим в учреждения и предприятия, обслуживающие армию и ее штабы; 5) приобретение агентуры из лиц призывного возраста на территории, оставляемой немецкой армией под ударами наших войск, в расчете на то, что они будут мобилизованы; 6) внедрение агентуры в партизанские отряды из числа лиц, ранее не призванных в Красную армию по тем или иным причинам, либо из бывших военнослужащих, осевших на жительство на оккупированной территории, в расчете на то, что партизанские отряды на уже освобожденной территории будут расформированы, а их бойцы и командиры пополнят ряды Красной армии.

По данным ГУКР Смерш только за сентябрь — ноябрь 1943 г. в полосе 3-го Белорусского фронта, к примеру, на сторону советских войск вышли шесть партизанских бригад общей численностью более 5 тыс. человек. В ходе их фильтрации военные контрразведчики арестовали 92 партизана, обоснованно подозреваемых в принадлежности к агентуре немецкой контрразведки и полицейских органов²².

Особое внимание аппараты Смерш уделяли поиску агентуры спецслужб противника среди офицерского состава. Те, кто был ранее в плену либо вышел из окружения в одиноч-

ном порядке и при сомнительных обстоятельствах, подлежали фильтрации. Постепенно эта работа упорядочивалась на основе приказов и директив командования. Так, Главное управление кадров НКО СССР издало в начале октября 1943 г. специальную директиву, предписывающую создавать в запасных офицерских полках, где сосредоточивались указанные выше категории комсостава, проверочные комиссии, в состав которых в обязательном порядке требовалось включать представителей управлений и отделов военной контрразведки²³.

Эта мера способствовала розыскной работе органов Смерш. Так, за сентябрь — декабрь 1943 г. контрразведчики 3-го Белорусского фронта выявили среди личного состава запасного офицерского полка 39 агентов противника, пытавшихся проникнуть в действующие части. Один из разоблаченных шпионов, бывший начальник ветеринарской лечебницы кавалерийской дивизии, попал в плен и в лагере был завербован гестапо, затем окончил Бреславльскую разведшколу и вступил в антисоветскую организацию «Боевой союз русских националистов», подконтрольную СД. Хорошо зарекомендовав себя в борьбе с партизанами, прошел переподготовку в разведшколе в г. Яблонь Люблинского округа Польши и был оставлен «на оседание» в районе наступления советских войск для дальнейшего проникновения в части Красной армии²⁴.

Результаты наступательных операций советских войск летом 1943 г. предполагали корректировку содержания некоторых направлений оперативной деятельности органов контрразведки Смерш. Операция «Цитадель» являлась последним крупным наступлением немецких войск на восточном фронте. Стратегическая инициатива полностью и окончательно перешла к Красной армии. Это означало, что военным контрразведчикам все чаще приходилось работать в условиях наступления, когда от вражеской оккупации освобождались большие районы нашей страны. Обоснованно предполагалось, что спецслужбы противника в своей разведывательно-подрывной работе сделают упор на создание агентурных позиций путем оставления на этой территории шпионов и диверсантов. Отсюда резко возрастало значение розыскных мероприятий.

Выводы из ранее накопленного опыта розыска ГУКР НКО Смерш были изложены в приказе от 2 сентября 1943 г. В его тексте констатировалось, что розыск агентуры противника все еще находится в неудовлетворительном состоянии, и достаточно много германских агентов, объявленных в розыск на основе добытых оперативных и следственных материалов, пока не задержаны. По показаниям ряда арестованных агентов было установлено, что отдельные из них до ареста неоднократно задерживались, но после поверхностной проверки документов освобождались, даже не подвергаясь личному обыску. В целях усиления розыска начальник ГУКР НКО Смерш приказал еще раз проверить работу всех аппаратов военной контрразведки и устранить выявленные недочеты. Далее следовал перечень конкретных мер, включая создание внештатных оперативно-розыскных групп с включенными в их состав агентами-опознавателями. Одному из своих заместителей и начальнику 3-го отдела ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов поручил разработать инструкцию для подчиненных органов по розыску агентуры противника²⁵.

Такая инструкция была подготовлена в короткий срок, В. С. Абакумов утвердил ее, после чего объявил директивой ГУКР НКО Смерш от 9 сентября 1943 г. Она содержала перечень оперативных, заградительных и профилактических мероприятий: выявление вражеских агентов по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки; опрос военнослужащих, находившихся в плену или вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах; обеспечение непроницаемости линии фронта; проверочная (фильтрационная) работа; изучение захваченных трофейных документов; опрос населения прифронтовой полосы и т. д.

Основным средством армейских контрразведывательных аппаратов в борьбе со шпионами, диверсантами и террористами оставались негласные сотрудники органов безопасности. Правильный их подбор и расстановка, а также целеустремленное использование являлись важнейшими условиями успешной борьбы с вражеской агентурой.

Перестройка организационной структуры и уточнение задач военной контрразведки в 1943 г.

Успехи советских войск на фронтах положительно отразились на деятельности всех оперативных структур НКВД. Советские органы госбезопасности приобрели к этому времени достаточный опыт противодействия спецслужбам фашистской Германии, не позволяя им существенным образом влиять на подготовку и проведение боевых операций посредством масштабных подрывных и шпионско-диверсионных акций.

И тем не менее с учетом изменений в военно-политической и оперативной обстановке потребовалось не только откорректировать задачи органов военной контрразведки, но и привести их организационную структуру в оптимальное состояние. Подобного рода задачи обозначились еще в ходе зимней кампании 1942–1943 гг., поэтому проекты некоторых основополагающих документов появились в Управлении особых отделов НКВД СССР именно в этот период. Однако пока продолжалась Сталинградская битва, а также другие крупные оборонительные и наступательные операции, проводить реорганизацию, включая и разрешение такого исключительно чувствительного для командования Красной армии вопроса, как ведомственная принадлежность военной контрразведки, руководство страны признало нецелесообразным.

Только к 13 апреля 1943 г. И. В. Сталин определился с передачей военной контрразведки в Наркомат обороны, обсудив эту идею с некоторыми высшими политическими и военными руководителями. Л. П. Берия считал, что появилась возможность, не снижая темпов работы, провести организационную перестройку чекистских аппаратов. Структура Наркомата внутренних дел в 1942 г. оставалась достаточно сложной и уже не отвечала предъявляемым Государственным Комитетом Обороны требованиям. По указанию И. В. Сталина заместитель министра внутренних дел СССР В. Н. Меркулов подготовил и 14 апреля 1943 г. направил председателю ГКО проект постановления ЦК ВКП(б) об организации самостоятельного Наркомата госбезопасности и проект указа Президиума Верховного Совета СССР на сей счет. Это были документы, уже доработанные с учетом мнения И. В. Сталина, поскольку В. Н. Меркулов с начала апреля 1943 г. дважды докладывал Верховному главнокомандующему первоначальные варианты документов. По имеющимся сведениям, замнаркома внутренних дел рассчитывал занять главный пост в НКГБ, сохранив в своем подчинении военную контрразведку в виде Управления особых отделов²⁶.

У председателя ГКО было иное мнение. Поскольку И. В. Сталин одновременно являлся и наркомом обороны, то он решил замкнуть на себя руководство военной контрразведкой, которая к этому времени разрослась численно, укрепилась организационно и, что самое главное, уже реально доминировала среди других оперативных управлений НКВД. Даже в области зафронтовой работы особы по ряду позиций не уступали специально созданному для этих целей 4-му управлению НКВД СССР.

Предстоящие серьезнейшие изменения в сфере органов госбезопасности И. В. Сталин первоначально обсудил с членами Политбюро ЦК ВКП(б), заседание которого состоялось 14 апреля 1943 г.²⁷ Участники заседания сошлись во мнении относительно задач Наркомата госбезопасности, отметив при этом, что в сферу ответственности НКГБ СССР не должна входить борьба с подрывной, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии и Военно-морского флота, а также в войсках Наркомата внутренних дел²⁸.

Уже на следующий день во всех центральных советских газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР. Наркомом был утвержден В. Н. Меркулов.

За день до решения вопроса о создании НКГБ, то есть 13 апреля 1943 г., кабинет председателя ГКО И. В. Сталина в одно и то же время посетили и провели там более двух часов

члены ГКО В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, заместитель наркома обороны и начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, только что назначенный заместителем наркома обороны по кадрам Ф. И. Голиков, а также семь руководителей особых отделов фронтов. Эту группу возглавлял замнаркома внутренних дел, начальник Управления особых отделов НКВД В. С. Абакумов²⁹. На заседании шла речь о выделении военной контрразведки из системы НКВД и придании ей определенного статуса в рамках военного ведомства.

Еще до совещания у И. В. Сталина начальник УОО НКВД СССР В. С. Абакумов провел необходимую предварительную работу, создав временную группу разработчиков основополагающих документов, необходимых для проведения реорганизации. Вот что вспоминал о создании и функционировании группы ветеран военной контрразведки полковник И. Я. Леонов: «А. М. Сиднев (начальник особого отдела Карельского фронта. — *Ред.*) буквально через десять дней после вступления меня в должность, пригласил к себе и сообщил, что по согласованию с Центром я включен в состав представительной комиссии Управления Особых отделов по решению вопросов по подготовке необходимых нормативных документов реорганизации Особых отделов, для чего я должен выехать в Москву. Поскольку А. М. Сиднев был в курсе дел о предстоящей работе комиссии, он четко определил мои задачи и высказал ряд своих рекомендаций... 3 апреля я выехал в Москву и приступил к работе в вышеуказанной комиссии. 19 апреля 1943 г., в связи с подготовкой и проведением крупных наступательных операций Красной армии и с возросшими контрразведывательными задачами, ГКО издал постановление о реорганизации Особых отделов в органы военной контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам») и переводе их из системы НКВД СССР в Наркомат обороны, что предусматривало еще большее взаимодействие органов контрразведки с военным командованием, позволяло улучшить их материально-техническое обеспечение и повышало мощь в борьбе с разведками противника. Это была смелая, разумная и дальновидная перестройка наших органов военной контрразведки... Следует отметить, что работа комиссии по реорганизации Особых отделов была хорошо подготовлена, проходила при непосредственном участии И. В. Сталина и под его руководством. Создана она была при Управлении Особых отделов НКВД СССР во главе с заместителем начальника Управления, опытейшим контрразведчиком генерал-лейтенантом И. Я. Бабичем. В комиссию вошло по одному представителю особых отделов каждого фронта, военного округа и от каждой штатной должности, начиная от старшего оперативного уполномоченного до заместителя начальника Особого отдела фронта, военного округа. В состав комиссии был также включен представитель и от Особых отделов Военно-морского флота... Комиссия работала десять дней, заседания комиссии проходили ежедневно с 13.00 до 24 часов в кабинете И. Я. Бабича, иногда в этих заседаниях принимал участие и В. С. Абакумов. Обсуждения выносимых на заседания вопросов всегда проходили активно. Особенно мне запомнились выступления двух подполковников: Фролова — начальника штабного отделения Особого отдела Первого Белорусского фронта и Веселова — начальника отделения по руководству подчиненными особыми отделами войск Ленинградского фронта. Они отличались хорошим знанием специфики работы оперативных работников в войсках, вопросов взаимодействий их с командованием и личным составом войск, а также знанием структуры спецслужб противника и методов их работы против наших войск. Как правило, вносимые ими предложения находили поддержку. Комиссия разработала все основные нормативные документы: Положение о военной контрразведке НКО «Смерш», необходимые приказы, наставления и инструкции, структуру органов военной контрразведки. Разработанная комиссией структура главного управления контрразведки НКО «Смерш», фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных органов контрразведки и флотов была не громоздкой, эффективной, позволявшей обеспечивать четкую работу всех звеньев военной контрразведки сверху донизу. При докладе И. В. Сталину о результатах работы комиссии встал вопрос о целесообразности изменения наименования Особых отделов... Наименование «Смерш» подчеркивало, что во главу всех задач военной контрразведки ставится бескомпромиссная борьба с подрывной деятельностью иностранных разведслужб против сражающейся Красной

армии. По решению Совнаркома СССР в функции органов «Смерш» включалось также пресечение враждебных действий антисоветских элементов, проникших в войска, борьба с предательством, изменой Родине, дезертирством, обеспечение непроницаемости линии фронта для агентуры противника и выполнение специальных заданий Народного комиссара обороны. Было установлено, что по всем вопросам оперативной деятельности нижестоящие органы «Смерш» подчиняются вышестоящим отделам и Управлениям «Смерш». Главное управление контрразведки «Смерш» подчинялось Наркомату обороны СССР, его начальник являлся одним из заместителей наркома (И. В. Сталина). Было также создано Управление контрразведки «Смерш» при Наркомате Военно-Морского Флота СССР³⁰.

До принятия окончательного решения В. С. Абакумов еще дважды побывал у И. В. Сталина. На одной из бесед присутствовал и В. Н. Меркулов, который представил председателю ГКО проект постановления ЦК ВКП(б) о создании управления Смеринш (что означало «смерть иностранным шпионам»). Согласившись в основном с текстом, Верховный главнокомандующий лично внес изменение в название нового чекистского органа. Вместо «Смеринш» он написал «Смерш», тем самым расширив круг лиц, определяемых как шпионы³¹. И это было абсолютно правильным уточнением, так как органам Смерш пришлось вскоре столкнуться с агентурой бандподполья на Украине, Северном Кавказе и в Прибалтике.

19 апреля 1943 г. постановлением Совнаркома СССР Управление особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки НКО Смерш³². Подписав указанное постановление как председатель Совнаркома СССР, И. В. Сталин через два дня уже в качестве руководителя ГКО утвердил положение о ГУКР Смерш³³. В положении устанавливалось, что его начальник «подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения»³⁴. Обращает на себя внимание последняя часть формулировки о функциональной подчиненности. Ранее мы нигде не встречаем указаний на личную подчиненность каких-либо структур госбезопасности И. В. Сталину. Это дает основание говорить о том, что никакого влияния со стороны НКГБ — НКВД и, что особенно важно, ответственных руководителей Наркомата обороны на практическую деятельность ГУКР Смерш и его информационные потоки не осуществлялось. Предусматривалось лишь «поддержание, по мере необходимости, тесного контакта с соответствующими органами НКГБ СССР, НКВД СССР и Разведывательным управлением Генштаба Красной армии, обмен информацией и ориентировками»³⁵.

При этом в отличие от постановления ГКО от 17 июля 1941 г. о преобразовании органов 3-го управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР в положении о ГУКР Смерш уже не было пункта о праве на расстрел на месте дезертиров. Нет и таких формулировок, как «беспощадная расправа с паникерами, диверсантами, дезертирами и всякого рода дезорганизаторами», которые фигурировали в директиве НКВД, изданной на основе постановления ГКО. В положении о ГУКР Смерш упор сделан на активную агентурно-оперативную работу военной контрразведки в области борьбы со шпионажем и изменниками Родины. Однако дезертирство и членовредительство, а также оказание помощи командованию в поддержании высокой боеготовности войск остались в качестве объекта приложения усилий аппаратов Смерш³⁶.

К разрешению отдельных организационно-кадровых вопросов деятельности органов госбезопасности ГКО еще не раз возвращался на своих заседаниях в последующие месяцы. Сохранившиеся в Центральном архиве ФСБ России документы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что И. В. Сталин глубоко вникал в процесс реорганизации органов военной контрразведки. Он лично рассматривал, корректировал и утверждал положение о ГУКР НКО Смерш, его структуру и штат. Председатель ГКО отредактировал и подписал штаты и структуру двух видов фронтовых управлений, увеличив количество штатных единиц в УКР Смерш, где во фронт входило более пяти армий. По приказанию наркома В. С. Абакумов подготовил приказ НКО от 29 апреля 1943 г. о присвоении воинских званий начальствующему составу органов Смерш и приказ НКО о назначениях заместителей и помощников начальника ГУКР НКО Смерш.

Нельзя не упомянуть еще несколько решений, которые дополняли развернутый процесс реорганизации. В постановлении СНК СССР № 415-138сс от 19 апреля 1943 г. в пункте № 7 прямо указывалось: «Изъять из ведения НКВД СССР Морской отдел Управления Особых отделов НКВД СССР и передать его Народному комиссариату Военно-морского флота, организовав на базе его Управления контрразведки НКВМФ («Смерш»)». Далее перечислялись задачи вновь создаваемого органа, во многом повторявшие те, что стояли перед ГУКР НКО Смерш. СНК обязал наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова представить на утверждение ЦК ВКП(б) структуру органов Смерш НКВМФ, кандидатуры начальника Управления контрразведки и его заместителей³⁷.

К концу мая 1943 г. указание СНК СССР было выполнено, положение об УКР НКВМФ Смерш и его органах на местах разработано. 3 июня 1943 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00155 о создании управления. В нем, в частности, подчеркивалось, что УКР НКВМФ Смерш подчиняется непосредственно наркому и «выполняет только его распоряжения»³⁸.

В системе НКВД СССР на базе 6-го отдела Управления особых отделов создавался отдел Смерш для оперативного обслуживания войск НКВД.

Таким образом, весной 1943 г. была создана система органов Смерш, охватывающая все вооруженные силы. Нельзя не заметить, что практически одновременно с реформой контрразведки произошли организационные изменения и в военной разведке. Приказом наркома обороны И. В. Сталина (№ 0071 от 19 апреля 1943 г.) Управление войсковой разведки Генштаба было реорганизовано в Разведуправление ГШ Красной армии и на него возложено руководство войсковой и агентурной разведками фронтов, а также проведение дезинформации противника. Этим же приказом при начальнике Генштаба создавалась группа командиров во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым с задачей обобщения и анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НКВМФ, ГУКР Смерш и партизанских штабов.

Органам ГУКР Смерш предписывалось усилить работу по обеспечению безопасных условий деятельности военной разведки и систематически информировать Разведывательное управление Генштаба Красной армии, сообщая данные о причинах провала агентов, полученные в ходе следственной работы, факты провербровки противником негласных сотрудников военной разведки, особенности подготовки противником своих агентов, организации связи с ними, а также способы заброски в наш тыл. Одновременно и РУ ГШ РККА обязывалось незамедлительно сообщать в ГУКР Смерш все добытые данные об агентуре противника, подготавливаемой для внедрения в Красную армию или ее тылы³⁹.

Кроме военной контрразведки претерпела изменения и структура войск НКВД. По распоряжению ГКО нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия своим приказом № 00792 от 4 мая 1943 г. создал Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей армии с подчинением ему всех управлений охраны тыла фронтов и входивших в их состав частей. Общая численность войск охраны тыла определялась в 80 тыс. офицеров и солдат. Начальником Главного управления назначили комиссара госбезопасности 3 ранга А. М. Леонтьева⁴⁰. В составе главка имелся разведывательный отдел, и аналогичные подразделения — в войсках фронтов. Они работали в контакте с органами Смерш по выявлению агентуры противника, предателей, изменников и боевиков националистического подполья во фронтовых тылах.

Как явствует из положения, органы Смерш создавались как централизованная организация с вертикальной подчиненностью. Все аппараты военной контрразведки обязывались информировать военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной армии по следующим вопросам: 1) о результатах борьбы с агентурой противника; 2) о проникших в части антисоветских элементах; 3) об итогах борьбы с изменой Родине, предательством, дезертирством и членовредительством. На практике по каждому из указанных вопросов управления и отделы Смерш стали предоставлять военным советам и командующим ежемесячные сводки, а при проведении наступательных операций — и более регулярную информацию.

П Р И К А З

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ 51/св

24 * апреля 1943 года.

гор. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ: - По личному составу.

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ КОНТРАРАЗВЕДКИ НКО "СМЕРГ"

АЗНАЧЬТЬ:

Подполковника гос. безопасности ГОРГОНОВА Ивана Ивановича - начальником I отдела.

Подполковника гос. безопасности КАРТАШЕВА Сергея Николаевича - начальником 2 отдела.

Подполковника гос. безопасности УТЕХИНА Георгия Валентиновича - начальником 3 отдела.

Подполковника гос. безопасности ТИМОФЕЕВА Петра Петровича - начальником 4 отдела.

Подполковника гос. безопасности ЗЕНИЧЕВА Дмитрия Семеновича - начальником 5 отдела.

Подполковника гос. безопасности ЛЕСНСВА Александра Георгиевича - начальником 6 отдела.

Подполковника гос. безопасности ШАРИКОВА Михаила Петровича - начальником 8 отдела.

Подполковника гос. безопасности КОЧЕТКОВА Александра Квстафьевича - начальником 9 отдела.

Майора гос. безопасности ЗЕРАЦКОВА Александра Михайловича - начальником 10 отдела.

Подполковника гос. безопасности ЧЕРТОВА Ивана Александровича - начальником II отдела.

Подполковника гос. безопасности БРАДЫЙ Ивана Ивановича - начальником Отдела Кадров.

Подполковника гос. безопасности ПОДСВЕНЕВА Сергея Андреевича - начальником Агфнхотдела.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ
Маршал Советского Союза - *И. Сталин* (И. СТАЛИН)

Приказ НКО о назначении руководящего состава ГУКР Смерш

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

19) - апреля 1943 года.

№ 1/сш

гор. Москва.

СОДЕРЖАНИЕ: О присвоении воинских званий начальствующему составу органов "СМЕРШ".

В соответствии с утвержденным Государственным Комитетом Обороны положением о Главном Управлении Контуразведки Народного Комиссариата Обороны "СМЕРШ" и его органах на местах, -

П Р И К А З Ы В А Ю:

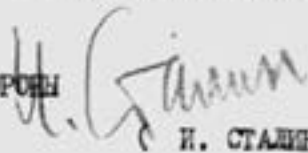
1. Присвоить личному составу органов "СМЕРШ" воинские звания установленные Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в следующем порядке:

НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ ОРГАНОВ "СМЕРШ":

- а) имеющим звание мл. лейтенант гос. безопасности - МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ;
- б) имеющим звание лейтенант гос. безопасности - ЛЕЙТЕНАНТ;
- в) имеющим звание ст. лейтенант гос. безопасности - СТ. ЛЕЙТЕНАНТ;
- г) имеющим звание капитан гос. безопасности - КАПИТАН;
- д) имеющим звание майор гос. безопасности - МАЙОР;
- е) имеющим звание подполковник гос. безопасности - ПОДПОЛКОВНИК;
- ж) имеющим звание полковник гос. безопасности - ПОЛКОВНИК.

2. Остальным лицам начальствующего состава, имеющим звание комиссар гос. безопасности и выше, - воинские звания присвоить в персональном порядке.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ

И. СТАЛИН)

В положении специально подчеркивалось, что органы Смерш освобождались от проведения работы, не связанной непосредственно с решением возложенных на них задач. Сами же задачи формулировались следующим образом: а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии; б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии; в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность прохода агентуры противника через линию; г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних); д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах; е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника; ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

В положении четко определялись права и обязанности органов военной контрразведки: а) вести агентурно-осведомительную работу; б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности; в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого совещания при НКВД СССР; г) применять различные специальные мероприятия, направленные на выявление преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов; д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной армии.

Было определено, что аресты военнослужащих Красной армии органами Смерш могут производиться: рядового и младшего начсостава — по согласованию с прокурором; среднего начсостава — по согласованию с командиром и прокурором соединения, части; старшего начсостава — по согласованию с военными советами и прокурором; высшего начсостава — с санкции наркома обороны.

Между структурными подразделениями органов контрразведки Смерш строго распределялись функциональные обязанности, что обеспечивало достаточно высокое качество их работы. Помощники начальника Главного управления (по числу фронтов) с приданными им группами оперативных работников курировали деятельность органов Смерш на фронтах. Кроме данных групп имелись и функциональные отделы: 1-й отдел ГУКР Смерш НКО занимался агентурно-оперативной работой по центральным органам Красной армии, управлениям Наркомата обороны; 2-й отдел вел работу среди военнопленных, представляющих интерес для органов Смерш, осуществлял проверку военнослужащих Красной армии, бывших в плену и окружении противника; 3-й отдел отвечал за борьбу с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой в наш тыл; 4-й отдел вел контрразведывательную работу в тылу противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной армии; 5-й отдел осуществлял руководство работой органов Смерш военных округов; 6-й отдел был следственным. Отдел кадров занимался подбором и подготовкой кадров для органов Смерш и формированием новых подразделений.

На местах были организованы управления контрразведки НКО (Смерш) фронтов и отделы контрразведки НКО (Смерш) армий, округов, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов, учреждений Красной армии. Для обеспечения оперативной работы, конвоирования арестованных и их охраны, а также охраны мест заключения в органах Смерш формировались воинские подразделения: во фронтовых управлениях — батальон, в армейских отделах — рота, в отделах контрразведки корпуса, дивизии и бригады — взвод.

Личный состав органов контрразведки Смерш комплектовался за счет оперативного состава бывшего Управления особых отделов НКВД СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной армии и ВМФ. Подготовка кадров для органов Смерш обеспечивалась путем создания специальных школ и курсов при Главном управлении контрразведки НКО. Работникам органов контрраз-

ведки Смерш присваивались воинские звания, установленные в Красной армии. Они носили форму, погоны и другие знаки различия соответствующих родов войск Красной армии.

Произошедшие структурные изменения органов контрразведки Смерш в 1943 г. обеспечили повышение эффективности и целеустремленности разведывательной и контрразведывательной работы, все более широкое применение наступательных методов в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб противника. Новая организационно-штатная структура органов военной контрразведки в 1943 г. оправдала себя и фактически не претерпела существенных изменений до конца войны.

После реорганизации большое внимание было уделено подготовке новых кадров. 15 июня 1943 г. председатель ГКО И. В. Сталин подписал приказ об организации школ и курсов ГУКР Смерш. В частности, были созданы четыре постоянные школы: 1-я Московская на 600 человек, 2-я Московская на 200 человек, Ташкентская на 300 человек, Хабаровская на 250 человек со сроком обучения 6–9 месяцев и курсы с четырехмесячным сроком обучения в Новосибирске и Свердловске на 200 человек каждые⁴¹. В ноябре 1943 г. Новосибирские курсы по подготовке оперативного состава были реорганизованы в школу ГУКР НКО СССР Смерш с годичным сроком обучения. Всего за годы Великой Отечественной войны в Новосибирске на курсах были подготовлены около 4 тыс. военных контрразведчиков.

Проделанная в этом направлении работа позволила не просто своевременно восполнять безвозвратные потери, которые несли органы контрразведки Смерш в период войны, но и повысить качество разведывательной и контрразведывательной деятельности в боевых условиях за счет повышения квалификации сотрудников.

Основные направления деятельности органов военной контрразведки

Определение линии работы и тактических приемов деятельности особых отделов, а затем и органов Смерш напрямую зависело от направленности и активности противостоящих разведорганов противника на том или ином участке фронта. Набор оперативных мероприятий, их объем и интенсивность определялись в зависимости от того, что происходило на фронтах. После эффективного контрнаступления под Сталинградом возникла необходимость активной разыскной работы на освобожденной от врага территории. Было очевидно, что прифронтовой тыл противник постарался насытить агентурой, оставленной «на оседание», а также нацеленной на непосредственное проникновение в воинские части, штабы и учреждения Красной армии.

Для второго периода войны характерным стало использование спецслужбами врага агентуры, хорошо подготовленной в созданной для этой цели сети разведывательных школ и курсов. Слабо обученные диверсионно-разведывательные кадры из числа советских военнопленных уже не могли принести противнику существенной пользы.

Разыскная работа на ранее оккупированной врагом территории проводилась органами госбезопасности и ранее, в первый период Великой Отечественной войны, однако масштабы ее были невелики, и результативность оставляла желать лучшего.

В конце 1942 — зимой 1943 г. органы военной контрразведки столкнулись с необходимостью фильтрации большого числа бывших военнопленных и организации проверочной работы в отношении призываемых в Красную армию граждан, проживавших в освобожденных районах. Кроме того, следовало развернуть оперативные мероприятия среди военнопленных противника. До наступления под Сталинградом их число росло медленно и к середине ноября 1942 г. не превышало 20 тыс. человек⁴², однако уже к концу года через приемные пункты прошли 80 тыс. немецких и итальянских военнопленных. Всего же в плену у советских войск только в результате ликвидации котла в районе Сталинграда оказалось почти 152 тыс. человек. В частях 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса служили, по некоторым данным,

51 780 так называемых «хиви», то есть советских граждан, добровольно надевших форму врага, участвовавших в боях либо выполнявших вспомогательные функции. Только в 524-м гренадерском полку разгромленной под Сталинградом 297-й немецкой пехотной дивизии по состоянию на 12 ноября 1942 г. числились 106 человек, служивших в качестве ездовых, шоферов, поваров и рабочих на передовой.

Для содержания военнопленных противника и фильтрации бывших советских военнопленных в конце февраля 1942 г. Наркомат внутренних дел СССР создал 19 спецлагерей, в каждом из которых за счет оперативного состава и следователей военной контрразведки были организованы особые отделы. В ходе и после завершения Сталинградской битвы в спецлагерях и на сборно-пересыльных пунктах были собраны 128 132 человека из числа освобожденных из плена или находившихся в окружении. Из них после краткой проверки были направлены в части Красной армии 21 804 человека, а в отношении остальных проводились более углубленные фильтрационные процедуры⁴³.

В разыскной работе большое значение придавалось поддержанию режима прифронтовой полосы. Когда советские войска перешли от обороны к контрнаступлению, начальник Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов направил директивное указание, в котором разъяснялось, в чем должна состоять помощь командованию в установлении и поддержании фронтового режима и как эффективнее использовать этот административный режим в целях усиления разыскной работы. Данное указание легло в основу соответствующих распорядительных документов особых отделов фронтов и армий и принесло хорошие результаты. В период наступательных операций Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов, а также на центральном направлении особыми отделами НКВД указанных фронтов на освобожденной от вражеских войск территории из общего числа арестованных подозрительных лиц (1369 человек) в результате активной разыскной работы были выявлены и разоблачены 144 агента спецслужб противника, 688 пособников оккупантов: полицейских, старост и т. д. Особому отделу Донского фронта удалось лишь в одном прифронтовом районе вскрыть резидентуру германской разведки в количестве 14 человек, из которых были арестованы 10, а остальные объявлены в розыск⁴⁴.

Аппараты Смерш вели большую работу по укреплению прифронтового режима и находили поддержку в этом вопросе у командования. Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал армии Р. Я. Малиновский, к примеру, полностью согласился с предложениями Управления контрразведки по усилению режима прифронтовой полосы и отдал соответствующие распоряжения⁴⁵. Решение командующего базировалось на информации начальника УКР Смерш фронта генерал-майора П. И. Ивашутина о том, что в районах, где был ранее установлен жесткий режим прифронтовой зоны, только в апреле 1943 г. его подчиненные выявили и арестовали 63 агента разведки противника из числа гражданских лиц.

Активно действовали военные контрразведчики в ходе битвы за Кавказ, при освобождении городов Моздок, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Майкоп и Краснодар. Судя по докладной записке особого отдела Северо-Кавказского фронта, подготовленной за несколько дней до завершения Краснодарской наступательной операции, только маневренными оперативными группами, действовавшими в боевых порядках войск, на освобожденной территории были задержаны 64 606 человек. Из этого числа удалось выявить 1176 агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов противника, включая агентов абвергрупп 101 и 301, зондеркоманды «Цепелин». Они были брошены в тыл наступающих советских войск, либо оставлены «на оседание» при отходе частей вермахта. Кроме того, особые отделы соединений и объединений фронта задержали 416 подозреваемых в шпионаже лиц, а также более двух тысяч ранее бежавших к немцам изменников Родины из числа бывших военнослужащих и 1350 дезертиров⁴⁶. Фронтвые контрразведчики в ходе частичной реализации имевшихся агентурных дел по разработке разведывательных органов противника в короткий срок установили и арестовали членов семи разведывательно-диверсионных резидентур, имевших в своем распоряжении пять портативных радиостанций.

Добровольные помощники немцев («хиви») из числа советских пленных рядом с подводой

Как видно из приведенных примеров, на освобожденной территории органы военной контрразведки решали следующие задачи: выявление, разоблачение и пресечение работы агентуры разведорганов противника, оставленной либо брошенной в прифронтовые районы; установление и задержание изменников Родины и активных пособников оккупантов, особенно тех, кто участвовал в карательных операциях против партизан, а также вскрытии и разгроме подпольных организаций; арест создателей и руководителей антисоветских воинских формирований. Следует уточнить, что сотрудники особых отделов (органов Смерш) в основной своей массе достаточно быстро передвигались вперед вместе с наступающими войсками, а потому не имели реальной возможности вести длительную и глубокую проверку задержанных активных пособников врага и большинство из них передавали воссоздаваемым на основе оперативных групп территориальным органам госбезопасности. Однако в отношении тех, кто был разоблачен как агент немецкой военной и политической разведки, а также лиц, обоснованно подозреваемых в этом, самостоятельно заводили уголовные дела и вели расследование.

В докладной записке на имя В. С. Абакумова от УКР Смерш Центрального фронта об агентурно-оперативной работе за июль 1943 г. указано, что данным органом и его подчиненными аппаратами на освобожденной территории задержан 4501 человек, из которых 145 подвергнуты аресту ввиду имевшейся информации об их враждебной деятельности в качестве агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских структур противника, а также служивших в немецкой армии и старост⁴⁷.

Отделы военной контрразведки 13, 48 и 70-й армий создали оперативные группы для проведения мероприятий по фильтрации подозрительных лиц с целью выявления враждебных

элементов. В результате на 15 августа 1943 г. они смогли разоблачить 12 шпионов, четырех диверсантов, 62 полицейских, 37 старост, 13 человек, служивших в немецкой армии.

Активно работали на освобожденной территории и органы Смерш Северо-Кавказского фронта. Начальник Управления военной контрразведки генерал-майор М. И. Белкин в начале июля 1943 г. доложил в Москву о некоторых результатах работы по агентурным делам на различные органы германской военной и политической разведки. Так, по делу «Пинг-понг» (на абвергруппу-101) были арестованы 17 агентов врага и изъяты три радиостанции. Более 20 агентов зондеркоманды «Цеппелин» (дело «Берлога») удалось арестовать в Ставропольском крае. Абвергруппа-102 (дело «Контора») потеряла в результате работы контрразведчиков 11 своих агентов-радистов, а абвергруппа-301 (дело «Банкроты») — 38 агентов, участвовавших в контрразведывательных акциях против заброшенных в немецкий тыл советских разведчиков, а также подпольщиков и партизан. Оперативно-разыскная группа УКР Смерш Северо-Кавказского фронта захватила в г. Ставрополь, в помещении, где дислоцировалось до отступления войск противника одно из подразделений «Цеппелина», секретные документы. Сведения, почерпнутые из них, дополненные материалами из протоколов допросов уже арестованных шпионов, позволили выявить 136 агентов, подготовленных к переброске либо уже заброшенных в тыл Красной армии⁴⁸.

Военные контрразведчики Северо-Кавказского фронта в рамках агентурного дела под условным названием «Черное золото» вскрыли намерения германского командования и его разведорганов по обеспечению быстрее использования объектов нефтяной промышленности в случае захвата Кавказа. Оказалось, что была создана «Армия нефтяников» из числа советских военнопленных, ранее имевших отношение к добыче и транспортировке нефти. Группы «Армии нефтяников» были сконцентрированы в Мариупольском лагере, и численность их составляла более 2 тыс. человек. Среди этого контингента вербовалась агентура для заброски в города Грозный, Майкоп и Баку. Их задача состояла в проведении диверсий и пораженческой агитации среди рабочих и инженерно-технического персонала нефтепромыслов и перерабатывающих предприятий в преддверии захвата Кавказа частями вермахта. Первая агентурная группа («Зет»), включавшая до 50 человек, в декабре 1942 г. прибыла в Ставрополь для дополнительной подготовки в разведшколе. Планам абверовцев не суждено было реализоваться ввиду проведения наступательных операций советских войск, однако часть агентуры из групп «Зет» и МАФ была оставлена на освобожденной от врага территории. С момента возникновения агентурного дела «Черное золото» (конец лета 1942 г.) по июнь 1943 г. сотрудники органов Смерш Северо-Кавказского фронта арестовали и разоблачили 14 агентов немецкой разведки, завербованных в «Армию нефтяников», взяли на учет и объявили в розыск еще более 70 агентов⁴⁹.

Действуя на освобожденной от врага территории, аппараты военной контрразведки координировали оперативные мероприятия с воссоздаваемыми территориальными органами НКГБ — НКВД прифронтовых областей. В период развернувшихся наступательных операций советских войск по освобождению территории Курской области спецслужбы фашистской Германии активизировали в нашем тылу шпионскую, диверсионно-террористическую деятельность, усилили заброску парашютистов-диверсантов, предпринимали меры по поддержке подрывной деятельности бандитских элементов. Чекисты Курской области в тесном взаимодействии с работниками военной контрразведки Центрального, Воронежского и Степного фронтов, опираясь на помощь советских людей, вскрывали и обезвреживали законспирированную фашистскую шпионскую сеть, ликвидировали остатки бандгрупп, созданных немецкой разведкой.

Налаживался и обмен информацией прифронтовых управлений НКГБ с фронтовыми и армейскими органами Смерш, позволявший распределять, а если необходимо, то и концентрировать усилия в оперативно-разыскной работе. К примеру, УНКГБ по Курской области задержало, а затем передало сотрудникам военной контрразведки для проведения следствия двух агентов немецкой разведки, сброшенных 28 июля 1943 г. с вражеского самолета. Эти агенты имели задание по совершению диверсионных актов на вновь строящейся

фронтовыми инженерными и саперными частями железной дороге от Старого Оскола до станции Ржава. Транспортная магистраль прежде всего предназначалась для обеспечения боеприпасами, боевой техникой и военным имуществом наступающих частей Красной армии. В ходе следствия выяснилось, что кроме захваченных агентов абверовцы сделали еще две заброски по четыре человека в каждой. У них было задание, аналогичное первой группе. Четырех диверсантов удалось задержать. По информации контрразведчиков командование Воронежского фронта приняло необходимые охранные меры, и диверсий удалось избежать.

Для более тесной увязки работы с органами военной контрразведки руководство НКГБ СССР командировало в освобожденные областные центры оперативные группы, которые направляли деятельность воссоздаваемых соответствующих территориальных органов. В частности, в г. Орел с начала августа 1943 г. находилась группа сотрудников во главе с заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) управления НКГБ СССР комиссаром госбезопасности 3 ранга Л. Ф. Райхманом. Он лично встретился с начальником УКР Смерш Брянского фронта генерал-майором Н. И. Железниковым и начальником 4-го отдела ГУКР НКО Смерш генерал-майором П. И. Тимофеевым, прибывшими с проверкой состояния филътрационной работы на освобожденной территории, и сообщил им добытые оперативной группой сведения.

В свою очередь, ГУКР НКО Смерш незамедлительно поставил в известность члена ГКО, наркома внутренних дел Л. П. Берия и главу НКГБ СССР В. Н. Меркулова о являвшихся с повинной, а также задержанных подростках-диверсантах, переброшенных немцами в тыл Красной армии самолетами для совершения диверсионных актов на коммуникациях наших войск. Военные контрразведчики установили, что в конце августа 1943 г. 10 молодых диверсантов были заброшены в районы городов Гжатск, Ржев и Сычѣвка, а еще две группы с таким же числом диверсантов — на территорию Тульской, Московской, Воронежской и Курской областей. Используя привлеченных экспертов из числа военных химиков и саперов, сотрудники органов Смерш установили, что замаскированная под куски каменного угля взрывчатка обладает большой разрушительной силой. Для розыска подростков-диверсантов военные контрразведчики предложили коллегам из НКГБ — НКВД организовать агентурное наблюдение в районах железных дорог, выявлять и задерживать подозрительных подростков и проверять на причастность к диверсионной агентуре противника. С этой же целью рекомендовалось создавать оперативно-разыскные группы, ориентировать дежурные службы на станциях и сотрудников транспортной милиции⁵⁰.

Серьезную помощь в борьбе с разведчиками и диверсантами германских спецслужб в прифронтовой зоне, очистке освобожденных районов от иных враждебных элементов, а также задержании дезертиров военным контрразведчикам оказывали войска охраны тыла НКВД СССР. Итог их деятельности за 1943 г. в полной мере отражен в докладной записке Л. П. Берии на имя председателя ГКО И. В. Сталина. В документе, в частности, указано, что войска по охране тыла действующей армии в процессе очистки ранее оккупированных районов задержали для проверки 931 459 человек, из которых подавляющее большинство (582 515 человек) составляли военнослужащие, неорганизованно отходившие с поля боя, отставшие от своих частей, находившиеся ранее в немецком плену и т. д. Среди них, а также среди гражданских лиц были арестованы 80 296 человек, включая 4822 агента разведки, контрразведки и полицейских органов противника. Кроме того, разведотделы войск по охране тыла выявили в общем потоке задержанных 14 626 изменников Родины и предателей, большое число карателей и иных активных пособников оккупантов. За 1943 г. были задержаны и переданы органам контрразведки Смерш 95 агентов-парашютистов. Наибольшее их количество было нейтрализовано в тылах Западного, Белорусского и 3-го Украинского фронтов⁵¹.

Активная розыскная работа проводилась сотрудниками органов Смерш и непосредственно среди личного состава Красной армии и флота. К сожалению, они нередко сталкивались с фактами, когда некоторые командиры без всякой проверки зачисляли на службу или работу лиц, проживавших на оккупированной территории, бежавших из плена или вышедших из окружения, что создавало условия для проникновения в воинские части аген-

С.С.С.Р. У

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Управление контрразведки «СМЕРШ» Ленинградского фронта

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

№ 111-11 ✓

от 21 Октября мес 21 г. в Сведомств. № ОКР Северн' 23 Армии
(Оформляется в штабах армий, фронтов, флотов)

№ 111-11 допросил в качестве свидетеля

- Фамилия Владимиров
- Имя и отчество Олександр Владимирович
- Дата рождения 1898 год
- Место рождения г. Москва
- Место жительства г. Москва
- Имя и гражд. (подданство) русский
гражданин СССР
- Паспорт № 11111
(когда и какому органу выдан, номер, категория и место хранения)
- Род занятий Ком-р 2-го № 213 СВ ВС СР.
(место службы и должности)
- Семейное происхождение из духовного сословия - сын священника
(род матери, родителей и их семейственные отношения)
- Семейное положение (род занятий и общественное положение)
 - до революции участник по вероисповеданию
 - после революции Свучающий
- Состав семьи в семье

А. А. А.

Л. 124-1

Протокол допроса

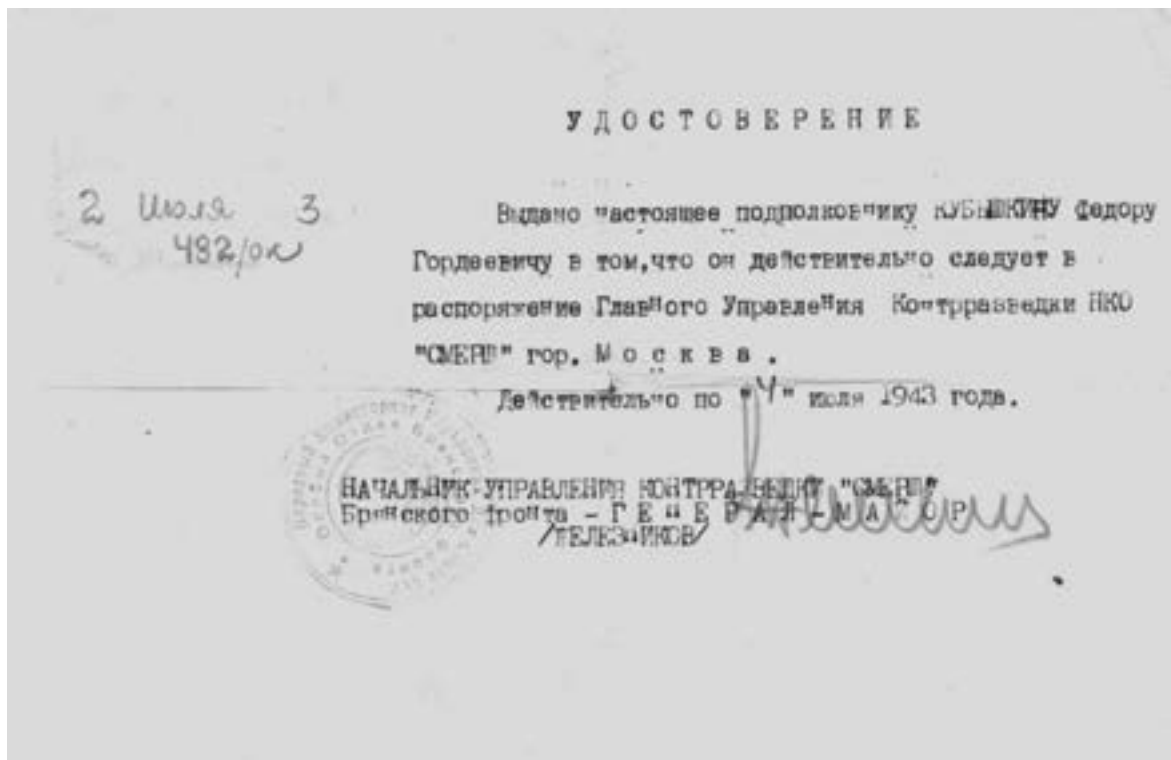
туры противника, изменников Родины и пособников оккупантов. По информации военной контрразведки Генеральный штаб и Главное управление кадров НКО СССР не раз издавали соответствующие распоряжения, которые приводили к некоторым положительным сдвигам в указанном вопросе, однако порочную практику искоренить не удалось вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Поэтому аппараты Смерш брали на учет всех, кто не прошел необходимую проверку, добивались через командование и политорганы их увольнения либо направления на сборно-пересыльные пункты для более тщательного изучения. Такие меры далеко не всегда находили понимание у командно-начальствующего состава среднего уровня, да и у отдельных лиц, носивших генеральские погоны.

Характерный пример привел в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Зимой 1942 г. его подчиненные доложили о том, что наши войска освободили советских военнопленных, содержащихся немцами в двух лагерях, и начальник политотдела предложил зачислить их в воинские части. «Это была верная мысль. Послали в Козельск группу офицеров штаба, политработников и врачей. Отобрали пригодных по здоровью. Эти люди столько испытали за время оккупации, что готовы были идти на любую опасность, лишь бы отомстить ненавистному врагу»⁵². А вот органы военной контрразведки были поставлены уже перед свершившимся фактом зачисления бывших военнопленных в части и учреждения наших войск.

УКР Смерш Южного фронта удалось разоблачить окончившего Варшавскую разведшколу абвера Н. Трофименко, который под видом отставшего от своей части командира роты пытался проникнуть в одну из воинских частей 2-й гвардейской армии с разведывательными целями. Первоначально он внедрился на пересыльный пункт, затем был направлен в резерв командного состава, а уже оттуда прибыл в отдел кадров штаба армии и только там арестован⁵³. Подобных поверхностных проверок без участия сотрудников органов Смерш было немало.

Одним из оснований для организации разыскных мероприятий военными контрразведчиками являлись материалы, добытые в ходе проведения активной фронтовой работы. Суть ее заключалась в проникновении в спецслужбы противника с целью получения упреждающей информации о планах и замыслах разведывательных, контрразведывательных и полицейских структур по вербовке, подготовке и внедрению агентуры в воинские части действующей армии, прифронтовую зону и тыловые районы страны, а также в партизанские отряды и соединения, национальные патриотические организации. Такого рода работа проводилась и в первый период Великой Отечественной войны, однако по понятным причинам развернуть ее в полную силу не представлялось возможным. Успехи советских войск в ходе контрнаступлений и наступательных операций позволили контрразведчикам активизировать свои действия.

Прежде всего потребовалось проанализировать все ранее полученные материалы по конкретным разведывательно-диверсионным органам противника, действующим против того или иного фронта и армии. Собранные воедино данные стали основой для заведения объектовых агентурных дел на абверкоманды, абвергруппы и разведывательные школы. В этих делах концентрировались протоколы допросов арестованных или явившихся с повинной шпионов и диверсантов абвера и СД, а также доклады зафронтовых агентов, вернувшихся на нашу сторону после выполнения заданий военной контрразведки. Постепенно таких дел становилось все больше. Если во второй половине 1942 г. и в первой половине 1943 г. было заведено всего несколько объектовых агентурных дел, например на абвергруппу-107, ее передовой пост «Пауль Цвай» и некоторые разведорганы⁵⁴, то позднее состоялись постановления о заведении более чем 20 подобных дел: агентурная разработка «Взрыв» и «Кондотьеры» на абвергруппу-203; «Птицеловы» на абвергруппу-209 («Буссард»); «Охотники» — на абвергруппу-205; «Яма» и «Коррозия» — на Борисовскую разведшколу и другие. По всем этим делам были намечены и реализованы конкретные оперативные планы, направленные на парализацию или снижение разведывательно-подрывной активности спецслужб противника. Если по агентурным делам «Пауль Цвай» и «Скорпионы» в абвергруппу-107 («Виддер») в 1942 г. удалось внедрить только одного зафронтового агента Уланова, то за 1943 г. — уже 11 секретных сотрудников органов Смерш⁵⁵.

Командировочное удостоверение ГУКР Смерш

Один из них, зафронтовой агент Патриот, передал чекистам данные на несколько десятков курсантов Борисовской разведшколы абвера, перевербовал немецкого агента Шумилова, а за «успешное» выполнение диверсионного задания в тылу Белорусского фронта был награжден немцами бронзовой медалью. Особого успеха добилась зафронтовой агент Марта (УКР Смерш Брянского фронта), заброшенная в апреле 1943 г. в г. Орел для проникновения в «Виддер». Пройдя серьезную проверку германской разведки, она стала руководителем спецгруппы, в которую вошли еще два агента-радииста «Виддера». В августе 1943 г. состоялась переброска группы в тыл Брянского фронта. Марта вышла на связь с военными контрразведчиками и представила им большое количество ценной информации⁵⁶. Радиостанция агентурной группы «Марта» практически до конца наступательной операции советских войск передавала противнику дезинформацию в интересах нашего командования.

По агентурному делу «Коррозия» УКР Смерш Брянского фронта велась разработка Борисовской разведывательной школы. Еще в конце сентября 1942 г. в тыл противника на базу одной из партизанских бригад была направлена оперативная группа под руководством сотрудника особого отдела 4-й ударной армии младшего лейтенанта П. Т. Дрега с заданием приобретать агентуру и внедрять ее в разведшколы в Смоленске и Борисове⁵⁷. Опергруппа добилась некоторых результатов в разработке Борисовской разведшколы, но внедриться туда не удалось. Фактически продолжением работы явились мероприятия по агентурным делам «Коррозия» (УКР Смерш Брянского фронта) и «Яма» (УКР Смерш 1-го Белорусского фронта). В частности, по делу «Коррозия» военные контрразведчики задержали около десятка выпускников школы, перевербовали агента-радииста Богданова, а также ранее заброшенных в наш тыл агентов немецкой разведки Ростовцева и Свиридова. Предполагалось начать

радиоигру с Борисовской разведшколой и вызвать на контролируемую явочную квартиру связника. Кроме того, контрразведчики намеревались завербовать преподавателей школы И. Фролова и Д. Шинкаренко, однако реализовать намеченные планы не удалось в силу ряда допущенных оперативных ошибок. Аналогичные ошибки имели место и по агентурному делу «Кондотьеры» на абвергруппу-203⁵⁸.

Более эффективно шла работа по агентурному делу «Яма». Контрразведчики 1-го Белорусского фронта с начала лета 1943 г. уже вели радиоигру с абвергруппой-203. К этому времени были перевербованы несколько бывших курсантов разведшколы, и один из них в рамках агентурной комбинации «Рояль» заброшен в немецкий тыл под видом агента, уже выполнившего задание. На декабрь 1943 г. в Борисовской разведшколе одновременно работали, выполняя поручения сотрудников органов Смерш, семь зафронтовых агентов. Секретные сотрудники Николаев и Кторов, вновь заброшенные противником в наш тыл, использовались в радиоиграх «Музыка» и «Опыт». В ходе последней в конце сентября 1943 г. удалось вызвать на нашу сторону и арестовать трех опытных агентов Борисовской разведшколы и передать неприятелю большое количество дезинформационных сведений. Всего по агентурному делу «Яма» военные контрразведчики арестовали 15 бывших курсантов и 220 объявили в розыск на основе полученных от зафронтовых агентов данных.

Активно разрабатывалась и абвергруппа-203, использующая агентуру Борисовской разведшколы и Смоленской диверсионной школы, действовавших против войск Брянского, Центрального и Воронежского, а позднее и 1-го Белорусского фронтов.

В полосе ответственности УКР Смерш Западного фронта действовала абвергруппа-108, имеющая радиопозывной «Эбер». Она была придана 4-й германской армии и особенно активизировалась в июле — августе 1943 г., накануне и в период проведения войсками Западного, а также Брянского и Центрального фронтов Орловской наступательной операции. В ходе разработки этого разведоргана только контрразведчики Западного фронта за июнь — август арестовали 11 его агентов. Сотрудники фронтового управления Смерш выяснили, что на разведпункте в Рославльском районе Смоленской области сконцентрированы до 30 подготовленных шпионов и диверсантов, причем число их растет за счет новых вербовок среди советских военнопленных. Чтобы парализовать деятельность «Эбера» и его разведпунктов, были спланированы и проведены агентурные комбинации «Катализаторы», «Бумеранг» и «Рейд». Только по делу «Катализаторы» в тыл противника для закрепления в абвергруппе-108 военные контрразведчики перебросили двух перевербованных ими вражеских агентов. Один из них — Матырев должен был завербовать в интересах УКР Смерш Западного фронта бывшего военнопленного В. Кондаурова, постоянно работавшего в разведпункте, но просоветски настроенного, который мог сам стать вербовщиком и склонять немецких агентов к явке с повинной после заброски в тыл Красной армии⁵⁹.

В 1943 г. наращивала свою активность абверкоманда-103 (радиопозывной «Сатурн»). Она действовала против Западного, Калининского, Брянского и Центрального фронтов, а подчинялась армейской группе «Митте». Агентуру для «Сатурна» немцы готовили в местечке Катюнь, недалеко от Смоленска. Там обучался и советский военнопленный лейтенант А. И. Козлов, он же немецкий агент Меньшиков. В конце июня 1943 г. германская разведка забросила его в тыл нашей армии в Тульскую область. Он направлялся как курьер к агенту «Сатурна» Ароматову в подмосковную деревню Малаховку, однако Меньшиков сразу же явился с повинной в отдел Смерш 323-й стрелковой дивизии, а вскоре был доставлен в ГУКР НКО Смерш в Москву. Сведения, сообщенные Козловым, полностью совпадали с материалами ранее ушедшего к партизанам сотрудника паспортного бюро Катюньской (позднее Борисовской) разведшколы. Он передал чекистам фотографии 141 агента немецкой разведки, дал установочные данные и характеристики на многих из них, указал фамилии, под которыми их забросили в наш тыл. Кроме того, «паспортист» предоставил фото 91 курсанта разведшколы.

С учетом этих обстоятельств в ГУКР НКО Смерш решили использовать А. И. Козлова в разработке разведоргана противника «Сатурн» и завербовали его под псевдонимом Следопыт. 17 июля 1943 г. он был переброшен через линию фронта. Успешно отчитавшись о выполне-

нии задания, он по предложению руководителя агентурной работы «Сатурна» зондерфюрера Фурмана занял должность преподавателя центральной школы абверкоманды-103. Уже в конце августа 1943 г. от Следопыта прибыл курьер — заброшенный на сторону советских войск радист Березовский с паролем «Байкал-61», а затем и другие завербованные Козловым агенты, которые доставили в органы военной контрразведки исключительно важную информацию. Сам Козлов действовал в «Сатурне» до апреля 1945 г. В общей сложности он передал в органы Смерш данные на 80 официальных сотрудников и агентов вражеских разведорганов⁶⁰.

Объектами интересов органов Смерш являлись и разного рода антисоветские вооруженные формирования, созданные германским командованием еще в первый период войны. Среди таких формирований была и Русская освободительная армия (РОА). ОКР Смерш 60-й армии Центрального фронта в разгар Курской битвы разработал агентурную комбинацию по внедрению в РОА своего секретного сотрудника Давыдова. После активной оперативной и идеологической подготовки агент был переброшен через линию фронта под видом перебежчика. Перед Давыдовым поставили задачу проникнуть на службу в РОА, занять там командную должность и обеспечить переход возможно большего числа солдат и офицеров на сторону Красной армии. Благодаря хорошей подготовке и личным качествам агент проник не только в РОА, но и в спецлагерь особой команды «Цеппелина» в г. Зандберге. Вскоре от него прибыл курьер с данными по РОА и организации охраны штабов некоторых немецких соединений, который не только сам по заданию Давыдова ушел к партизанам, но и увел с собой около трех десятков военнослужащих РОА. Агенту военной контрразведки удалось наладить достаточно близкие отношения с начальником отдела «А» «Цеппелина» Г. Грайфе, что позволило ему более эффективно выполнять задания. В частности, Давыдов завербовал четырех диверсантов и склонил их на явку с повинной в органы Смерш, а в случае направления в части РОА им надлежало вести там разложенческую работу, добиваясь перехода частей к партизанам либо на сторону Красной армии.

Весной 1944 г. Давыдов был заброшен в наш тыл главной командой «Руслан-Норд» для связи с группой немецких агентов, которых сотрудники военной контрразведки к тому времени уже перевербовали и использовали в радиоигре «Бурса». Таким образом, Давыдов за время пребывания в тылу у немцев установил в общей сложности 15 официальных сотрудников и 25 агентов «Цеппелина», подготовленных к заброске в тыл Красной армии, причем некоторых перевербовал, и они явились с повинной. А 17 других агентов германской политической разведки контрразведчики разыскали по сообщенным Давыдовым приметам и арестовали⁶¹.

Управлением контрразведки Центрального фронта 5 июня 1943 г., то есть за месяц до начала немецкими войсками операции «Цитадель», был переброшен за линию фронта опытный секретный сотрудник А. И. Колесников (псевдоним Электрик). Ему поручили внедриться в разведорган противника в г. Орле (в абвергруппу-207, проводившую диверсионную деятельность на коммуникациях и в тылах Западного, Центрального и Белорусского фронтов) для сбора данных об агентах, готовящихся к заброске в расположение частей Красной армии. Контрразведчики предусмотрели, что если Электрик будет направлен немцами в РОА, то он должен проводить там разложенческую работу, создавать группы из патриотически настроенных лиц и склонять их к переходу на сторону Красной армии в ходе наступления частей вермахта. Так сложилось, что Колесников внедрился в антисоветское формирование «бригада Каминского» — Русскую освободительную народную армию (РОНА). Находясь в ее рядах более трех месяцев, Электрик завербовал 19 человек из числа личного состава РОНА. В результате их деятельности на сторону партизан перешло около двух рот РОНА со всем вооружением⁶².

В общей сложности в ходе второго периода войны агенты, возвратившиеся одновременно из тыла противника, представили добытые ими сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и на несколько сотен выявленных ими германских шпионов и диверсантов, готовившихся для переброски в расположение частей Красной армии. Впоследствии 176 германских разведчиков из числа названных нашей агентурой после переброски в советский тыл были арестованы органами Смерш.

Кроме того, находясь на территории противника, наши секретные сотрудники перерывали 85 агентов немецких разведывательных органов и склонили для работы в пользу советской контрразведки пять официальных сотрудников германской разведки. От зафронтальной агентуры были получены подробные доклады о методах вербовки и подготовки немцами шпионов, диверсантов для проведения подрывной деятельности в частях Красной армии и советском тылу. Все это способствовало повышению эффективности розыска вражеских агентов, диверсантов и террористов.

Активное развитие в 1943 г. получило взаимодействие органов военной контрразведки с 4-м управлением НКГБ СССР и его подчиненными органами в зафронтальной работе. В 1943 г. в период наибольшей активности германских спецслужб оперативные группы органов госбезопасности, действовавшие в тылу противника, передали в органы военной контрразведки Смерш установочные данные на более чем 1260 агентов, заброшенных немцами в части Красной армии⁶³.

Несмотря на значительные достижения в зафронтальной работе органов военной контрразведки, имели место и недостатки, влиявшие на эффективность работы в тылу врага. Основными причинами здесь являлись: отсутствие до весны 1943 г. четких и объективных данных о спецслужбах противника, прежде всего о разведывательных и контрразведывательных подразделениях в полосе действий того или иного фронта; разрозненность проводимых мероприятий, практически полное отсутствие объектовых агентурных разработок на конкретные абверкоманды, абвергруппы, зондеркоманды СД — «Цепелина», разведывательно-диверсионные школы и на созданные немцами антисоветские вооруженные формирования, а следовательно, и планов работы по ним; слабая централизация зафронтальной работы; незначительное в процентном отношении использование военнопленных противника для проникновения в разведорганы Германии и ее сателлитов; неудовлетворительная организация связи с заброшенными в тыл врага агентами, вследствие чего добытая ими информация запаздывала, и поэтому не всегда удавалось парализовать усилия абвера и СД по проведению разведывательно-диверсионных акций во время оборонительных или наступательных операций советских войск.

Во второй период Великой Отечественной войны советская контрразведка значительно расширила практику применения сложного, но эффективного оружия — радиоигр с разведками врага. Они проводились как в оперативных целях для нанесения ущерба германским спецслужбам в их агентурной деятельности, так и для продвижения дезинформационных сведений в штабы немецких войск относительно замыслов и конкретных планов Ставки ВГК, фронтовых и армейских аппаратов управления.

В начале апреля 1943 г. в НКВД СССР проанализировали итоги уже проведенных и еще продолжавшихся радиоигр и пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев удавалось добиться требуемых результатов. Так, в ходе радиоигры «Неон» из района станции Подборовье Северной железной дороги, выполняя задачу скрытия концентрации советских войск на волховском направлении, в декабре 1942 — январе 1943 г. систематически передавалась противнику дезинформация, преуменьшающая реальные перевозки боевой техники и воинских контингентов в направлении городов Тихвин и Волхов. В итоге из германского разведцентра в Пскове была получена радиограмма с указанием на то, что агентурная группа не зафиксировала передислокацию 2-й ударной армии⁶⁴.

По заданию Генерального штаба РККА с целью сковывания вражеских сил на севере через группу захваченных и включенных в радиоигру агентов (в Вологде, Москве, Ярославле) были переданы дезинформационные сведения о концентрации наших войск на Карельском фронте. Противнику было сообщено, что на этот фронт направлено 70 эшелонов с личным составом и восемь эшелонов с артиллерией. Эта работа достигла своей цели. 3 и 10 февраля 1943 г. Главное разведывательное управление РККА от своей резидентуры в Женеве получило телеграммы о том, что германское командование уверено в наращивании количества частей Красной армии в городах Мурманске и Кандавакше и поэтому ожидает советское наступление в Лапландии, то есть на западе Мурманской области. Это явилось свидетельством достигнутого контрразведчиками успеха в проведении радиоигры.

Однако к началу весны 1943 г. уже были реализованы все планы дезинформации противника, составленные в ГШ РККА и утвержденные Ставкой. Отрицательно сказывалось на проведении радиоигр и отсутствие в Генштабе конкретных лиц или подразделения, ведающего вопросами дезинформации, и НКВД СССР незамедлительно информировал по этому поводу председателя ГКО И. В. Сталина. Ведь под угрозой провала оказались более десяти подконтрольных контрразведчикам агентурных радиостанций немецких спецслужб⁶⁵.

Как известно, решение ГКО по указанному выше вопросу было принято в апреле 1943 г., практически одновременно с реорганизацией Управления особых отделов НКВД в Главное управление контрразведки НКО Смерш. Как и предлагал Л. П. Берия, в Генеральном штабе создали специальную группу по подготовке дезинформационных материалов. Более того, вся работа по организации и проведению радиоигр с противником была сконцентрирована в ГУКР НКО Смерш, куда в полном составе перешло одно из отделений 1-го отдела Контрразведывательного управления НКВД СССР, ранее отвечавшее за радиоигры. В штате вновь созданного Главного управления военной контрразведки Наркомата обороны предусматривался 3-й отдел с задачей организации войны в эфире — проведения операций литер «Э» (эфир). Начальником отдела стал полковник Г. В. Утехин, а затем генерал-майор В. Я. Барышников. С этого времени и до конца Великой Отечественной войны за разработку планов радиоигр, координацию работы фронтовых аппаратов Смерш и соответствующих управлений и отделов военных округов отвечали сотрудники 3-го отдела Г. Григоренко, С. Елин, И. Лебедев, Д. Тарасов. Они же зачастую непосредственно работали с перевербованными агентами-радиодами, участвовали в поимке немецких шпионов.

С начала Великой Отечественной войны и по июнь 1943 г. органы государственной безопасности СССР арестовали 263 агента-парашютиста с коротковолновыми радиостанциями. Из этого числа 89 были перевербованы и включены в радиоигры. Однако к началу лета 1943 г. 65 радиостанций контрразведчики в разное время вывели из активной работы вследствие потери к ним интереса со стороны противника, из-за опасности провала по причине длительного срока использования, а также по технической невозможности поддержания связи. Таким образом, до начала летних наступательных операций наших войск осуществлялось 24 операции литеры «Э», причем 16 начались в 1943 г. (в феврале — 2, в марте — 2, в мае — 12)⁶⁶. Радиоигры велись не только в прифронтовых районах, но и из Новосибирска (радиоигра «Валдавский»), г. Солигалич Ярославской области («Лесники»), Ленинграда («Трио»), Горького («Друзья»), Свердловска («Патриоты»), станции Рузаевки Мордовской АССР («Арфа») и другие.

Одной из наиболее удачных радиоигр, проведенных органами Смерш в 1943 г., может считаться операция «Салават». Она развивалась на фоне наступления наших войск. С 9 февраля по 16 марта 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта при взаимодействии с Черноморским флотом провели Краснодарскую наступательную операцию, целью которой был разгром немецко-фашистских войск на Кубани. В результате успешных действий Красной армии зимой 1943 г. от главных сил группы армий «А» были отсечены и прижаты к Азовскому морю 17-я и часть войск 1-й танковой армии вермахта. Танки генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста удалось остановить у Кавказских гор, но враг был еще не сломлен и полон решимости продолжать войну. 16 марта по указанию Ставки ВГК войска Северо-Кавказского фронта перешли к обороне и начали подготовку новой наступательной операции с целью разгрома противника на Таманском полуострове.

Радиоигра «Салават» началась 31 марта 1943 г. особым отделом Северо-Кавказского фронта с санкции наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии. С апреля того же года руководство перешло в ведение Управления контрразведки Смерш Северо-Кавказского фронта. Непосредственный участник этой радиоигры полковник в отставке Д. П. Тарасов так описал начало этой операции: «Весной 1943 г. при отступлении немецко-фашистских захватчиков из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер» (НБО) оставил в станице Славянской агентов «Мухаммедова» и «Яковлева» с радиостанцией. Оба агента в прошлом служили в Черноморском военно-морском флоте, но, попав в плен,

были завербованы германской разведкой и прошли специальную подготовку. На следующий день после вступления частей Красной Армии в станицу, 23 марта 1943 г., германские разведчики добровольно явились с повинной в оперативную группу особого отдела НКВД 37-й армии СКФ. Они подробно рассказали особистам о полученном ими задании и сообщили имена других 14 немецких агентов, ранее заброшенных НБО в тыл Красной армии. Приняв во внимание, что командование Северо-Кавказского фронта остро нуждалось в тот период в передаче противнику военной дезинформации из района станицы Нововеличковская, советской военной контрразведкой было решено начать «радиоигру» с германским военно-морским разведорганом. В радиоигре с противником агент «Мухаммедов» получил псевдоним «Салават», а «Яковлев» — «Моряк». Утром 9 апреля 1943 г. противнику была передана первая радиограмма, содержащая дезинформацию. Следующий сеанс состоялся 10 апреля: «Из разговоров с жителями, много войск движутся ночью на северо-запад. По дороге видели также большое количество подвод, на них большие и малые ящики. Кроме того, видел движение до 40 пушек, низкие с длинными стволами, колеса резиновые. Нашел подходящее и безопасное место. Чувствую себя хорошо». Через несколько дней к противнику ушла радиограмма с новой порцией дезинформации: «Шесть. Ночью возвратился. С четырнадцатого по восемнадцатое апреля видел через станцию Мышастовка прошло до сорока поездов на северном направлении. В сутки проходит до десяти эшелонов с бойцами, которые хорошо одеты, все молодые. В эшелонах имеется много платформ, на которых большие понтоны с подвесными моторами. Из разговоров с красноармейцами узнал, что эти войска идут якобы на побережье моря для специального задания».

Работа радиоточки «Салават» была замечена службами радиоперехвата и дешифрования НКГБ СССР, которые, естественно, не знали о радиоигре военных контрразведчиков. Руководство НКГБ СССР обратило внимание ГУКР Смерш на переговоры противника, в которых сообщалось о передвижениях войск в полосе ответственности Северо-Кавказского фронта, полагая, что это явится основанием для розыска немецкого агента. 29 апреля 1943 г. начальник УКР Смерш Северо-Кавказского фронта генерал-майор М. И. Белкин доложил заместителю начальника ГУКР Смерш НКО СССР генерал-майору П. Я. Мешику: «Сообщенные Вами данные по материалам «радиоперехват» о получении немцами сведений военно-разведывательного характера, являются нашим «дезом», сообщенным германской военно-морской разведке по радиции агента «Салават»... Для ориентировки по делу просим дать указание в дальнейшем о контроле в эфире за сообщениями германской военно-морской разведки, касающимися работы на радиции «Салават», и результаты сообщать нам».

В ГУКР НКО Смерш придавали большое значение радиоигре «Салават», взяли ее под особый контроль, и все перспективные планы направлялись для согласования в Москву. В материалах агентурного дела «Салават» имеется, к примеру, выписка из доклада по «Плану дезинформации противника перед СКФ на май 1943 г. в глубоком и ближнем тылу фронта и на переднем крае», подготовленного штабом Северо-Кавказского фронта. Документ был получен УКР Смерш Северо-Кавказского фронта 18 мая и передан В. С. Абакумову. В плане обозначались цели радиоигры на конкретный период: «1. Данными из глубокого тыла создать впечатление у противника о подходе значительных резервов из глубины и сосредоточении их на правом и левом флангах Северо-Кавказского фронта; 2. Агентурными данными и распространением слухов среди наших войск на флангах, убедить противника о заканчивающемся сосредоточении пехоты, артиллерии и танков на флангах СКФ; 3. Совокупностью мероприятий (агентурные данные, радиоданные, данные войсковые) приковать внимание противника к району Шапсугская, Кабардинка, Цемесская долина; 4. Вынудить противника перебрасываемые из глубины на Таманский полуостров новые части и пополнение сосредотачивать к своим флангам и оттянуть имеющиеся резервы с Крымского участка». Далее указывались конкретные дезинформационные данные, которые надлежало передать противнику.

Данные радиоперехвата, полученные из отдела «Б» и 5-го управления НКГБ СССР в конце мая — начале июня 1943 г. и свидетельствовавшие об успехе дезинформации по радио-

Г. В. Утехин

М. И. Белкин

П. Я. Мешик

точке «Салават», оперативно поступали в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта. О ходе радиоигры с противником, переданных и полученных радиogramмах УКР Смерш Северо-Кавказского фронта регулярно докладывалось в 3-й отдел ГУКР, а также непосредственно начальнику ГУКР Смерш НКО СССР В. С. Абакумову либо его заместителю П. Я. Мешику.

25 августа в районе станицы Старонижестеблиевской Краснодарского края была сброшена группа парашютистов для помощи «Салавату». Все трое были арестованы на месте приземления. Ими оказались агенты германской военно-морской разведки Саркисов, Парсанов и Петросов. Из допросов арестованных стало известно, что они должны были изыскать все возможности для встречи с ранее заброшенными агентами и передать им фиктивные документы, штамп и печать 670-го запасного полка, запчасти к радиостанции и батарее питания. Агенты Саркисов, Парсанов и Петросов были позднее также перевербованы и привлечены к самостоятельной радиоигре, получившей кодовое наименование «Тройка».

По ходу радиоигры «Салават» начальник УКР Смерш генерал-майор М. И. Белкин регулярно запрашивал командование Северо-Кавказского фронта о новых порциях дезинформации для передачи противнику. Так, 7 сентября, исходя из требований немецкого разведоргана, он написал командующему, что по достоверным данным, имеющимся в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта, противник усиленно интересуется, снимает ли командование Красной армии части с кубанского участка фронта для переброски на другие участки, какие части и тяжелое вооружение перебрасываются и каким путем. Одновременно противник интересовался наличием частей Красной армии в районе Тихорецка (номера частей, их вооружение, командиры и т. д.). В связи с этим М. И. Белкин просил дать Управлению контрразведки дезинформационный материал по указанным выше вопросам для передачи врагу в ходе радиоигры.

В сентябре радиоточка «Салават» интенсивно передавала неприятелю новые порции дезинформации. Текст дезинформаций предоставлялся УКР Смерш Северо-Кавказского фронта, а передачу санкционировал начальник Разведупра Генштаба КА. На заключительном этапе игры (ноябрь 1943 г.) предусматривалось создание такого положения, чтобы радиоточка «Салават» стала базой для легализации агентуры НБО, забрасываемой в тыл частей Красной армии, однако реализовать его не удалось. 15 сентября из германского разведцентра поступило указание агентам на переезд ближе к линии фронта, и после этого связь с разведорганом противника прервалась. До середины декабря 1943 г. радиоточка «Салават» безуспешно запрашивала Центр, но ответа не последовало — слишком далеко на запад передислоцировался НБО.

Тем не менее можно утверждать, что в ходе радиоигры контрразведчики внесли свой вклад в успешное наступление войск фронта, сумев наряду с другими мерами оказать содействие командованию в сокрытии от немецкой разведки планов действий наших частей и соединений. С 9 апреля по 17 декабря 1943 г. радиоточкой «Салават» было проведено 86 сеансов связи. За этот же период времени в адрес противника передано 39 радиogramм, а получено 30. Еще 23 августа 1944 г. распоряжением заместителя начальника ГУКР Смерш следственные дела на бывших агентов германской военно-морской разведки производством были прекращены, Яковлев и Мухаммедов из-под стражи освобождены и направлены в запасные части Северо-Кавказского военного округа. Радиоаппаратура и материалы к радиоигре «Салават» были направлены в 3-й отдел ГУКР Смерш⁶⁷.

В мае — июне 1943 г. серьезные результаты были достигнуты в ходе радиоигры «Опыт», проведенной на Центральном фронте. Передачи осуществлялись от имени фашистских агентов, перебросенных в расположение войск Красной армии для сбора шпионских сведений о дислокации и передвижении частей и подразделений, о местах нахождения штабов, аэродромов, оборонительных сооружений. Цель радиоигры заключалась в том, чтобы дезинформировать гитлеровское командование относительно мероприятий, проводившихся советскими войсками. Для этого в разведывательный орган противника через каждые два-три дня по указанию Генерального штаба Красной армии передавались радиogramмы, содержавшие дезинформацию. В них указывалось, что в сторону фронта проходят эшелоны

со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими грузами, необходимыми для обороны, что местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи и доты. В сообщениях редко упоминалось о перевозке войск и боевой техники. Игра продолжалась всего 20 дней, однако противник был в определенной степени введен в заблуждение в отношении замысла нашего командования в период подготовки к Курской битве. Он так и не смог выяснить истинные силы советских войск, сосредоточенных на Центральном фронте.

В качестве примера по дезинформации противника можно также привести радиоигру «Повестка». 12 мая 1943 г. на территории Перемышльского района Тульской области переброшенные немцами агенты-парашютисты М. А. Мишурицкий и В. Я. Таргонин явились с повинной, они имели задание осесть в районе Козельск — Белёв — Лихвин и вести шпионскую работу, устанавливая количество, наименование и дислокацию воинских частей, их оснащённость техникой и вооружением, а также выяснить морально-политическое состояние командного и рядового состава частей Красной армии. Радиоигра началась 17 мая 1943 г., продолжалась более двух месяцев и была прекращена только из-за невозможности вести успешную дезинформацию по этой рации ввиду близости фронта⁶⁸.

В июне 1943 г. в Егорьевский райотдел УНКВД по Московской области явился зафронтной агент особого отдела Северо-Западного фронта Северов, переброшенный немцами самолетом через линию фронта для выполнения разведывательного задания. Секретного сотрудника военной контрразведки и его добровольно сдавшегося напарника Бойцова срочно направили в Москву в ГУКР НКО Смерш. Северов и Бойцов дали чекистам подробные сведения о германской военной разведке и СД, их структуре, официальном составе и сообщили о 133 агентах, уже подготовленных немецкими спецслужбами для работы в советском тылу. Оценив все полученные сведения и личностные характеристики самих опрашиваемых, заместитель начальника 3-го отдела ГУКР НКО Смерш полковник В. Я. Барышников доложил комиссару госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумову о том, что Северов и Бойцов имеют очень интересное задание и можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как, например, вызов квалифицированных вербовщиков, а данную агентурную группу целесообразно включить в радиоигру. Радиосвязь предлагалось установить с 26 июня⁶⁹.

Так началась игра с разведорганом «Цеппелин-Норд» под условным наименованием «Загадка». Уже первые ее результаты показали, что существует реальная возможность решения не только чисто контрразведывательных задач, но и стратегической дезинформации противника, легендируя наличие у Бойцова и Северова возможностей получения сведений от высокопоставленного источника в Наркомате путей сообщения, который якобы готов давать совершенно секретную информацию по воинским перевозкам, но работать будет только на разведки союзников СССР и поэтому вербовать его надо «под чужим флагом» от имени английской разведки. Свое согласие главное управление имперской безопасности дало незамедлительно. Дезинформирование противника в рамках радиоигры «Загадка» продолжалось до 7 апреля 1945 г.

Со второго периода Великой Отечественной войны операции по дезинформированию проводились по двум основным направлениям: введение военного командования противника в заблуждение о характере железнодорожных перевозок и дислокации войск и передача в разведывательно-диверсионные органы противника сведений о мнимых положительных результатах его подрывной деятельности. Радиоигры по дезинформированию военного командования противоборствующей стороны по своему содержанию были весьма разнообразны — от кратковременной передачи дезинформационных сведений тактического порядка одной подконтрольной военной контрразведке радиостанцией противника до создания долговременного комплекса, целой системы радиоигр, передающих целенаправленно в разведцентры врага дезинформацию в масштабах региона, фронта, направления и театра военных действий. Опыт дезинформирования военного командования неприятеля постоянно обобщался.

На базе радиоигры «Кварц», проводившейся органами военной контрразведки Волховского фронта, был создан комплекс радиоигр из семи перехваченных радиостанций (Вологда, Ярославль, Рыбинск, Бежецк, Калинин, Москва, Горький) накануне наступательной операции наших войск под Тихвином (декабрь 1942 — январь 1943 г.). А из пяти захваченных радиостанций (Пудож, Ярославль, Вологда, Москва, станция Обозерской Северной железной дороги) была создана целая сеть для передачи дезинформационных сведений о концентрации наших войск и техники на Кольском полуострове (январь 1943 г.). В увязке друг с другом работали девять радиостанций (базовая радиоигра «Опыт») для передачи дезинформации военного характера в период подготовки и осуществления наступления советских войск на Курской дуге (май — июнь 1943 г.).

Всего со дня создания ГУКР НКО Смерш в апреле 1943 г. и до конца года было проведено 30 радиоигр, о чем В. С. Абакумов доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову запиской от 15 января 1944 г.⁷⁰ В результате этих игр были арестованы 40 агентов противника, изъято более 500 килограммов взрывчатки, 13 ящиков винтовочных патронов и много других материальных средств для проведения шпионской и диверсионной работы в тылу Красной армии.

Свидетельством успешности действий военной контрразведки является тот факт, что участвовавших в радиоиграх агентов противника, переведенных сотрудниками органов Смерш, немцы наградили орденами и медалями, а пятерых — даже дважды. Что касается ГУКР НКО Смерш, то около 10 секретных сотрудников из числа вышеуказанных агентов были удостоены советских наград.

Наряду с решением основных вопросов в области контрразведки органы Смерш (как и ранее особые отделы НКВД) уделяли необходимое внимание оказанию помощи командованию в поддержании высокой боеготовности войск. Эта задача была комплексной и распадалась на многие компоненты: выявление предпосылок к утечке важной информации о замыслах и планах военного руководства; вскрытие и нейтрализация через оперативные возможности факторов, отрицательно сказывавшихся на политико-моральном состоянии войск; своевременное получение информации о недостатках в снабжении воинских частей всеми видами довольствия, обеспечении их оружием, боевой техникой и боеприпасами; проведение расследований фактов срыва выполнения боевых задач и т. д. Устанавливая объективные причины и условия тех или иных недостатков, сотрудники военной контрразведки концентрировались на роли субъективных факторов в происшедших событиях. Именно на это нацеливался их агентурно-осведомительный аппарат.

По указанным выше и иным вопросам представлялись письменные сообщения членам военных советов фронтов и армий, командирам соединений и воинских частей. При необходимости руководители отделов и управлений контрразведки делали устные доклады на заседаниях военных советов. В подавляющем большинстве случаев по итогам докладов принимались конкретные решения по исправлению допущенных конкретными должностными лицами ошибок, им указывалось на ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, разгильдяйство и недисциплинированность. По наиболее серьезным фактам командующие и другие члены военных советов давали указания военно-прокурорским работникам оценить представленную аппаратами Смерш информацию на предмет установления признаков состава того или иного преступления в действиях военнослужащих. Так, особый отдел НКВД Северо-Кавказского фронта по поручению Военного совета расследовал причины серьезных потерь и срыва наступления 4-го казачьего кавалерийского корпуса в январе 1943 г. Как выяснилось, в наступлении не участвовала приданная корпусу танковая группа, которую своевременно не обеспечили дизельным топливом. Были установлены преступная халатность и безответственное поведение со стороны начальника штаба тыла фронта и еще нескольких должностных лиц. Все материалы расследования УКР Смерш Северо-Кавказского фронта передало в военный трибунал, который приговорил виновных к различным срокам исправительно-трудовых лагерей с отсрочкой исполнения приговора до окончания боевых действий⁷¹.

В мае 1943 г. там же, на Северо-Кавказском фронте, контрразведчикам пришлось проводить еще одно расследование. На станции Усть-Лабинской Краснодарского края всего

лишь одной бомбой, сброшенной внезапно появившимся самолетом противника, были уничтожены два эшелона: один — с боеприпасами, другой — с боевой техникой и военным имуществом. Всего взорвались и сгорели 88 вагонов. Сотрудники органов Смерш доказали виновность начальника станции, военного коменданта и его помощника, которые грубо нарушили установленные приказами НКО и НКПС правила формирования и размещения на станциях воинских эшелонов. В частности, в одном и том же эшелоне перевозились боеприпасы и самовозгорающаяся жидкость КС, а второй эшелон стоял параллельно с первым⁷².

В 1942–1943 гг. на основе информации военной контрразведки и политорганов создавались комиссии ГКО. О результатах их работы в мемуарной литературе имеются разноречивые отзывы, особенно в тех случаях, когда выводы «представителей Москвы» и конкретные решения не совпадали с мнением командующих фронтами и армиями. Следует прямо сказать, что в ряде случаев члены комиссии расширительно трактовали данные особых отделов (органов Смерш), да и в спецсообщениях военных контрразведчиков и политработников иногда сгущались факты. Это происходило в силу ряда причин, прежде всего из-за неполноты информации о произошедших событиях. Командующий Донским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский сожалел о снятии с должностей генералов В. Д. Крюченкина (командующий 4-й танковой армией) и А. И. Данилова (командующий 21-й армией). Это произошло после доклада Верховному главнокомандующему выводов комиссии ГКО под руководством Г. М. Маленкова и заместителя начальника Генерального штаба по организационным вопросам генерал-майора Ф. Е. Бокова⁷³.

Иную оценку одной из комиссий ГКО дал вступивший в командование фронтом генерал-полковник А. И. Еременко. Вот что он записал в своем дневнике: «6 мая 1943 г. на Калининский фронт приехала комиссия ГКО во главе с тов. Щербаковым А. С. (секретарь ЦК и начальник Главного политуправления Красной армии), члены комиссии тов. Хрулев и тов. Кузнецов. Цель приезда: проверить и навести порядок в вопросах снабжения и обеспечения войск, так как были случаи (за что и сняли Пуркаева) больших перебоев в питании. Люди недоедали из-за плохой организации снабжения. В первом квартале 1943 г. было 76 случаев смерти от истощения»⁷⁴. Комиссия, изучив состояние дел, провела совещание с начальниками тыла дивизий и армий и потребовала устранить факты неорганизованности в снабжении, особенно в подвозе продовольствия в боевые порядки, и дать должную оценку фактам хищения продуктов питания. По результатам работы комиссии ГКО было принято постановление, которым резко осуждалась плохая работа бывшего командующего Калининским фронтом генерал-полковника М. А. Пуркаева. Приказом НКО от 31 мая 1943 г. командующему и члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Д. С. Леонову были объявлены выговоры. Лиц начсостава, допустивших перебои в питании бойцов, предписывалось направить в штрафные батальоны. В пункте № 16 приказа наркома обороны указывалось следующее: «Военным советам фронтов (армий), военным прокуратурам и трибуналам усилить меры борьбы с хищениями и разбазариванием продфуража, неуклонное применение к нарушителям законов постановления Государственного Комитета Обороны от 3 марта 1942 г. № 1379с»⁷⁵.

Еще одна комиссия ГКО побывала в июле 1943 г. на Воронежском фронте. Она разбиралась с причинами больших потерь в бронетехнике. По некоторым оценкам, только за 12 июля 1943 г. они составили до 530 танков и САУ. В основном эти потери относились к 5-й гвардейской танковой армии. Комиссия, возглавляемая членом ГКО Г. М. Маленковым, пришла к выводу, что действия войск Воронежского фронта 12 июля являются образцом неудачно организованной и проведенной боевой операции. По результатам работы комиссии несколько командиров из числа высшего начальствующего состава были отстранены от командования соединениями и объединениями⁷⁶. Среди материалов, которые легли в основу выводов комиссии, были и спецсообщения УКР Смерш Воронежского фронта. Следует напомнить, что еще в конце 1941 г. Главный военный прокурор В. И. Носов издал приказ, в котором содержался запрет на самостоятельное расследование неудачных боевых операций. Однако в отличие от прокурорских работников аппараты военной контрразведки фронтов и армий по указаниям соответствующих военных советов занимались расследованиями, а

также в большинстве случаев оперативно сопровождали работу разного рода комиссий и предоставляли в их распоряжение легализованные агентурные материалы.

Достаточно эффективно советские военные контрразведчики работали по вопросу вскрытия причин, условий и конкретных фактов утечки важной секретной информации, выявляли военнослужащих и служащих армии и флота, допуская нарушение правил секретного делопроизводства. Особенно важным это направление деятельности становилось при подготовке и проведении разного уровня боевых операций. В ходе развернувшихся в конце 1942–1943 гг. наступлений имели место случаи, когда высокопоставленные представители командно-начальствующего состава непреднамеренно оказывались на занятой врагом территории и погибали либо захватывались в плен. При этом они имели при себе важные секретные документы.

К примеру, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия 21 декабря 1942 г. проинформировал Верховного главнокомандующего и других членов ГКО о том, что, по сообщению особого отдела штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба ЮЗФ генерал-майор Г. Д. Стельмах и начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И. П. Крупенников сбились с намеченного маршрута своей поездки в 1-й механизированный корпус и попали в расположение противника в деревне Коньково. У Г. Д. Стельмаха имелись при себе топографическая карта с нанесенной обстановкой частей 1-й и 3-й гвардейских армий и записная книжка с важными сведениями о состоянии войск фронта. Для розыска генералов была сформирована оперативная группа во главе с заместителем начальника особого отдела фронта. Эта группа вместе с наступающими частями прибыла в освобожденное село Коньково и разыскала тела убитых немцами начальника штаба фронта, адъютантов и водителей. Никаких документов при них не оказалось, и не было сомнений, что они попали в руки врага. 8 января 1943 г. Л. П. Берия сообщил в ГКО о результатах проведенного расследования случившегося. Оказалось, что генерал И. П. Крупенников был пленен и под конвоем отправлен в штаб одной из немецких дивизий, а затем в штаб армейской группировки⁷⁷. До окончания войны генерал Крупенников находился в концлагере в Германии, освобожден американскими войсками и был передан советскому командованию. По необоснованным обвинениям о якобы добровольной сдаче в плен расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1957 г.

В октябре 1943 г. из-за несоблюдения необходимых мер обеспечения безопасности перемещения высшего командного состава в плену у противника оказались командующий артиллерией 3-й ударной армии генерал-майор М. О. Петров и начальник штаба армии, а также начальник штаба 49-го стрелкового корпуса. А с ноября 1943 г. военные контрразведчики проводили расследование обстоятельств захвата немцами командующего 44-й армией генерал-лейтенанта В. А. Хоменко и командующего артиллерией этой же армии генерал-майора артиллерии С. А. Бобкова.

По настоянию ГУКР НКО Смерш Ставка ВГК 7 ноября 1943 г. издала директиву всем командующим войсками фронтов и отдельными армиями, а также представителям Ставки ВГК об усилении охраны и мер безопасности командного состава. В этом документе предписывалось следующее: «1) Запретить выезд командующих армиями, командиров корпусов и лиц высшего командного состава, им соответствующих, в передовую линию войск без организованной по пути движения разведки и охраны в 2–3 бронемашины или танка; 2) При выезде в войска от штаба корпуса и ниже не брать с собой никаких оперативных документов за исключением чистой карты района поездки; 3) Беспрекословно выполнять все требования регулировщиков; 4) Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами; 5) Возложить ответственность за точное выполнение настоящей директивы лично на командующих фронтами и отдельными армиями. В случае нарушения настоящей директивы командующий фронтом лично будет привлечен к ответственности»⁷⁸. Директиву подписали И. В. Сталин и первый заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-полковник А. И. Антонов.

На оказавшихся в плену генералов военные контрразведчики заводили розыскные дела с целью выяснения их судьбы. В частности, на основании полученной оперативной

информации разыскная группа УКР Смерш 4-го Украинского фронта установила место захоронения генерал-лейтенанта В. А. Хоменко и генерал-майора артиллерии С. А. Бобкова. Их тела были найдены только в двадцатых числах июля 1944 г. и перезахоронены со всеми воинскими почестями в г. Мелитополь⁷⁹.

В ходе агентурно-оперативной работы по поводу предательства подпольной организации в Днепропетровске сотрудники органов Смерш установили, что в ее состав входил Петров, который на самом деле оказался генерал-майором П. П. Павловым, числившимся пропавшим без вести командиром 25-го танкового корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта. Как оказалось, будучи ранен он попал в плен, бежал, вступил в нелегальную организацию советских патриотов, но был выдан провокатором. В апреле 1945 г. он был освобожден из концлагеря американскими войсками и передан представителям советского командования. П. П. Павлов прошел глубокую проверку в органах госбезопасности. Контрразведчики выяснили, не выдал ли он военной тайны и не достались ли врагу его секретные документы. Результаты проверки показали, что генерал мужественно держался при пленении и в период пребывания в лагерях военнопленных, а секретные документы успел уничтожить после своего ранения⁸⁰.

Директива Ставки ВГК от 7 ноября 1943 г. была далеко не единственным нормативным документом в области сохранения государственной и военной тайны, инициированным военными контрразведчиками. Так, в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции Западного фронта ОКР Смерш 50-й армии выявил факт утраты боевого приказа командования объединения. Виновника установили довольно быстро, им оказался начальник штаба 139-й стрелковой дивизии подполковник Л. Ф. Кваша. Контрразведчики уже не раз предупреждали его в связи с проявлением халатности в работе с секретными документами. В этот раз дело усугублялось тем, что через несколько часов должны были возобновиться наступательные действия войск армии, а в случае попадания боевого приказа к противнику большие потери стали бы неминуемыми. По факту утраты особо важного документа военные контрразведчики провели расследование, но боевой приказ найден не был. Военный трибунал 50-й армии приговорил Л. Ф. Квашу к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях с отсрочкой наказания до окончания военных действий.

О произошедшем ГУКР НКО Смерш было доложено в ГКО, и 31 мая 1943 г. заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза А. М. Василевский подписал приказ «О мерах по сохранению военной тайны при отдании боевых приказов», подготовленный в Генеральном штабе при участии контрразведчиков. В данном документе командующим армиями предписывалось не отдавать общего боевого приказа, а доводить свои указания непосредственно исполнителям либо ограничиваться частными боевыми приказами. Начальники штабов обязывались записывать эти приказы в одном экземпляре и хранить лично у себя. «Начальствующий состав Красной армии, — отмечалось в четвертом пункте приказа, — должен понять, что всякая небрежность и халатность в обращении с секретными документами оказывает помощь противнику. Ни один командир, ни один штаб не должны знать о том или ином секретном мероприятии, если это не положено им знать по долгу службы»⁸¹.

Работа по сохранению в тайне замыслов и планов командования особенно активизировалась после принятия Ставкой ВГК решений о проведении тех или иных операций. Режимные меры должны были реализовывать соответствующие военачальники, и в большинстве случаев они это делали с большой ответственностью.

Военные контрразведчики внимательно следили за реализацией принимаемых мер, их эффективностью с точки зрения надежного перекрытия каналов утечки важных сведений, выявления предпосылок к утрате документов. Через свои агентурно-оперативные возможности они отслеживали все этапы, а затем и реализацию утвержденных планов. Безусловно, главным являлось ограждение штабов от проникновения агентуры противника. Для этого сотрудники особых отделов, а затем органов Смерш предпринимали целый комплекс мер: организационных, режимных, оперативных и профилактических. Для контрразведывательной работы в штабах и на узлах связи выделялись наиболее опытные оперативные работники,

а их работу контролировали не только начальники первых отделов (отделений), но и лично руководители фронтовых и армейских аппаратов. Перед началом каждой крупной операции советских войск контрразведчики профильтровывали через оперативное сито весь личный состав органов управления. В необходимых случаях через командование принимались меры к отчислению из штабных подразделений и узлов связи лиц, вызывающих какие-либо сомнения.

При подготовке наступления войск 4-го Украинского фронта УКР Смерш проинформировало Военный совет о результатах проведенной работы. Члены Военного совета отреагировали незамедлительно. Во-первых, был издан приказ по войскам фронта, категорически запрещающий принимать на службу и работу лиц, не прошедших проверку органами Смерш. Во-вторых, были отданы соответствующие распоряжения, и за октябрь — ноябрь 1943 г. только из штаба фронта, других органов управления и связи отчислили более 40 человек, включая восемь офицеров⁸².

Действуя совместно с командованием, военные контрразведчики добились положительных результатов. Можно констатировать, что во второй период Великой Отечественной войны противнику не удалось добыть документальные свидетельства, перехватить переговоры по линиям связи, касающиеся разработки фронтовых и армейских операций. Однако следует подчеркнуть, что на стадии реализации планов перекрыть утечку информации было многократно сложнее ввиду резкого расширения круга посвященных в подготовительные мероприятия, а также в силу невозможности полностью скрыть масштабные перегруппировки войск и техники, подвоз и концентрацию боеприпасов, воинского имущества, продовольствия и т. д. Когда все же случалась утечка важных сведений, контрразведчикам приходилось проводить тщательное расследование для установления истинных причин произошедшего.

УКР Смерш Брянского фронта в июне 1943 г. изучало причины утечки информации о предстоящих наступательных операциях. Результаты расследования начальник фронтового Управления контрразведки генерал-майор Н. И. Железников незамедлительно сообщил Военному совету и в ГУКР НКО Смерш. Судя по тексту докладной записки, наблюдалась плохая маскировка в районах сосредоточения, особенно это касалось артиллерии. В итоге противник подверг авиаудару боевые позиции 7-го и 2-го артиллерийских корпусов. Контрразведчики установили и явные просчеты в работе штаба фронта. В частности, вопрос о скрытности всех подготовительных действий решался формально, не был даже разработан план маскировки. Вместе с тем Н. И. Железников признал и недостатки в оперативном обслуживании штабов, а также факты, когда не удалось предотвратить переход на сторону врага некоторых военнослужащих — изменников Родины⁸³.

Одним из серьезных вопросов, решаемых органами контрразведки Смерш и военным командованием во фронтовых условиях, как уже упоминалось выше, являлась борьба с переходами на сторону противника (измена Родине) и дезертирством. В целях предупреждения измены Родине и дезертирства сотрудники органов военной контрразведки наряду с оперативной работой проводили профилактические мероприятия. В частности, они информировали командование и политорганы частей и соединений о выявленных нарушениях воинского порядка, которые могли использовать изменники и дезертиры для осуществления своих преступных замыслов, о лицах, заподозренных в изменнических намерениях, с тем чтобы не допустить назначения их в наряды, выполнявшие боевые задания на переднем крае. Уязвимые участки линии фронта, удобные для перехода на сторону противника, командование части по рекомендации оперативных работников перекрывало засадами, постами, секретами.

При организации работы по борьбе с дезертирством органы военной контрразведки использовали заградительную службу, а также выделенные в их распоряжение воинские подразделения. Эти подразделения, действуя под руководством оперативных работников, осуществляли поиск дезертиров и изменников Родины в городах и населенных пунктах прифронтовой полосы, прочесывали леса, овраги, выставляли заслоны на мостах, перекрестках дорог. Изменники Родины и дезертиры, место пребывания которых не было известно, после соответствующего расследования объявлялись в местный или всесоюзный розыск.

Силами оперативных групп и заградительных отрядов немедленно после освобождения частями Красной армии от противника населенных пунктов производилось прочесывание этих пунктов и районов бывшей обороны противника (блиндажи, окопы). В ходе Сталинградской битвы при прочесывании освобожденных от противника населенных пунктов Карповка, Кариновка, Ново-Алексеевка, Жирноклеевка были задержаны: 571 бывший военнослужащий Красной армии, находившийся в плену, проживавший на оккупированной территории, 98 старост, полицейских и других пособников оккупантов, 120 лиц призывного возраста, 423 немецких солдата и офицера. В процессе фильтрации военнопленных были выявлены также лица, работавшие в немецкой тайной полиции и разведке. Особыми отделами НКВД 21, 64 и 65-й армий был захвачен ряд серьезных документов немецких штабов, комендатур, в том числе приказ командующего окруженной немецкой группы войск Ф. Паулюса, в котором говорилось о тяжелом положении немецких войск в кольце окружения, о сокращении норм выдачи продуктов солдатам, снятии с питания советских военнопленных и прочем. За время операции четверо оперативных уполномоченных особых отделов фронта были убиты и трое ранены.

В случае необходимости органы военной контрразведки информировали командование и о фактах получения противником сведений о наших войсках. К примеру, 7 августа 1943 г. ГУКР НКО Смерш направило в Генштаб РККА информацию об обнаружении противником перегруппировки наших войск на участке 39-й армии вследствие нарушения правил маскировки.

Серьезным подспорьем для командования при подготовке и проведении ряда операций стали сведения, полученные органами военной контрразведки в ходе зафронтной работы. Так, к примеру, 11 мая 1943 г. Управление контрразведки Смерш Брянского фронта доложило в Военный совет фронта о данных, полученных зафронтной агентурой, о концентрации немецких войск в районе Орла. Секретный сотрудник военной контрразведки, подставленный на вербовку подразделению немецкой разведки при штабе 2-й немецкой танковой армии, будучи переброшенным на нашу сторону 7 мая 1943 г. сообщил, что от немцев он получил задание после перехода линии фронта осесть в одном из районов Елец — Ефремов или Малиново, где заниматься сбором данных о продвижении войск Красной армии, вести разложеческую работу, склоняя военнослужащих к измене Родине. В процессе подготовки агента офицер немецкой разведки среди прочего особенно интересовался вопросом, что ему известно о подготовке частей и соединений Красной армии на случай, если немцы, предприняв наступление, попытаются окружить и уничтожить курскую группировку или выйти в направлении Белёва на р. Ока, окружить и отрезать отходы войск Красной армии к Москве. На вопрос нашего агента, сколько времени ему придется ждать прихода немцев в указанном ныне районе, офицер ответил, что наступление немецкой армии начнется примерно в первых числах июня. Кроме того, агенту из личных наблюдений и со слов военнопленных Красной армии, использующихся немцами на различных работах, стало известно, что в Орел недавно прибыли бронетанковая дивизия СС «Мертвая голова» и отряды СС, которые пока разместились в городе и его окрестностях. Все эти ценные сведения были использованы командованием для подготовки отражения наступления вермахта в районе Курского выступа.

В силу чрезвычайной активности всех видов разведки успех военной операции часто зависел от степени владения достоверной информацией о противостоящей стороне. Поэтому неслучайно в зафронтной работе органов военной контрразведки важное место отводилось дезинформации противника.

В ходе боевых действий части Красной армии захватили большое число военнопленных. Кроме того, по решению ГКО на территории, ранее занятой противником, было интернировано в порядке очистки тыла советских войск значительное количество активных фашистских элементов из гражданского населения гитлеровской Германии и ее союзников. В числе военнопленных и интернированных оказались граждане не только воюющих с Советским Союзом государств, но и других оккупированных гитлеровцами стран — Франции,

Бельгии, Люксембурга, Голландии, Норвегии, а также нейтральных государств — Швеции, южноамериканских стран. В общей сложности в лагерях для военнопленных и интернированных на территории СССР находились граждане 33 государств и 45 национальностей общим количеством свыше 4,5 млн человек.

Государственный Комитет Обороны возложил на органы государственной безопасности задачу по организации агентурно-оперативной работы среди военнопленных и интернированных. С этой целью в 1941 г. в НКВД СССР было образовано Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), включающее в свой состав оперативно-чекистский отдел, который организовывал агентурно-оперативную работу и руководил оперативно-чекистскими отделами (отделениями) в лагерях. Основными задачами агентурно-оперативной работы среди военнопленных и интернированных являлись: сбор разведывательных сведений, представляющих интерес для Красной армии; вербовка агентов и подготовка их для использования за границей; выявление официальных сотрудников и агентов вражеских разведывательных органов; разоблачение деятельности разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника; вербовка агентов в целях контрразведывательной работы среди военнопленных и интернированных; выявление среди военнопленных — бывших советских граждан изменников Родины, участников фашистских злодеяний; агентурное изучение политических настроений, выявление и ликвидация нелегальных фашистских, диверсионных, шпионских и иных подрывных организаций; пресечение различных внутрилагерных преступлений; выявление и пресечение подрывной деятельности агентов американской и английской разведок, проводимой против СССР; выявление высококвалифицированных специалистов с целью их последующего использования в интересах нашей страны.

Учитывая, что военнопленные являются ценнейшим источником информации о противнике, органы государственной безопасности уделяли особое внимание сбору через них разведывательных сведений. Военнопленные, среди которых были не только кадровые офицеры и солдаты, но и лица, мобилизованные из учреждений государственного аппарата, различных отраслей промышленности, научно-исследовательских и других учреждений Германии, представляли значительный интерес. Они сообщали важные сведения об армии и военно-экономическом потенциале противника, новых видах вооружения, аэродромах, укреплениях и других военных объектах, а также о различных государственных, военных и дипломатических секретах и мероприятиях правительств фашистской Германии и ее сателлитов.

При использовании военнопленных для сбора разведывательных данных органы государственной безопасности уделяли особое внимание получению сведений, в которых нуждалось советское командование. Для этого были составлены специальные вопросники, которыми оперативники руководствовались в работе с агентами, при допросах военнопленных и при проведении других мероприятий с целью добывания нужной информации. В годы войны органами государственной безопасности было получено от военнопленных, обработано и направлено командованию Красной армии, различным наркоматам и ведомствам свыше 6 тыс. разведывательных документов.

Как следует из докладной записки Л. П. Берии И. В. Сталину от 3 апреля 1943 г., с начала Великой Отечественной войны по 25 марта 1943 г. были учтены УПВИ НКВД СССР 291 579 военнопленных; за этот период умерли 132 105 человек, из них 521 офицер. На 25 марта 1943 г. содержались в лагерях 93 663 военнопленных⁸⁴.

Работа по выявлению сотрудников и агентов разведорганов противника позволяла направлять основные направления деятельности немецко-фашистской разведки, пресекать ее подрывные акции на нашей территории, выяснять, в какой мере она при переброске своих агентов через линию фронта использовала сопредельные с Советским Союзом страны (Турцию, Швецию и другие). Добытые данные о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника помогли сделать некоторые выводы и об ошибках, допущенных советскими спецслужбами.

На основании этих сведений органы государственной безопасности получили возможность разоблачить в последующем подрывную деятельность агентов фашистских спецслужб, руководителей реакционных политических партий, организаций в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и других странах. Большое значение имели также данные, полученные от военнопленных разведчиков, об агентуре разведывательных органов Германии и ее сателлитов в различных капиталистических странах, в первую очередь в США и Англии. Эти сведения были использованы советской разведкой в интересах Советского государства.

О результатах работы среди военнопленных противника во фронтовых условиях периодически составлялись обобщенные документы, позволявшие своевременно вскрывать недостатки и использовать положительный опыт. В этом отношении интересна докладная записка начальника Управления контрразведки Смерш Центрального фронта генерал-майора А. А. Вадиса Военному совету фронта о работе с военнопленными войск противника 13 октября 1943 г.⁸⁵ За период наступательных операций с 26 августа по 1 октября 1943 г. войсками Центрального фронта⁸⁶ были захвачены в плен 4445 солдат и офицеров противника, из которых 42 человека офицерского состава. За указанный период были допрошены свыше 90 военнопленных, представлявших оперативный интерес, в том числе один майор, четыре обер-лейтенанта, четыре лейтенанта, два зондерфюрера и 81 человек унтер-офицерского и рядового состава. При допросах военнопленных германской армии и обработке трофейных документов основное внимание уделялось вопросам деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника, мероприятиям германского командования по формированию воинских частей из представителей различных национальностей Советского Союза, выяснению политико-морального состояния войск противника, а также вопросам режима на оккупированной территории, паспортной системы и административного устройства.

Так, взятый в плен командир самокатного эскадрона разведотряда 251-й пехотной дивизии обер-лейтенант Э. Шуппе на допросе в управлении Смерш Центрального фронта показал, что в ночь на 20 августа 1943 г. в районе г. Севска через линию фронта в расположение частей Красной армии были переброшены два агента германской разведки, имевшие для обратного возвращения пароль «Курск». Один из агентов был одет в форму лейтенанта Красной армии, другой — в форму красноармейца. Переброска агентов была осуществлена во время разведывательного поиска, проводившегося подразделением обер-лейтенанта Э. Шуппе. Последний также указал приметы переброшенных агентов, предполагаемый срок и место их возвращения.

Поскольку из полученных еще ранее показаний военнопленного ефрейтора было уже известно, что в июле 1943 г. на участке 82-й пехотной дивизии через линию фронта перебрасывались два агента немецкой разведки, также имеющие пароль «Курск», все подчиненные органы Смерш Центрального фронта были ориентированы относительно действий разведоргана противника. В ориентировке были указаны подробные приметы перебрасываемых агентов. В результате проведенных оперативных мероприятий на участке армии, где начальником отдела Смерш был полковник Трапезников, задержали бывших военнослужащих Красной армии А. Ф. Кромов и А. С. Волынцева, являющихся агентами германской разведки, переброшенными зондеркомандой-110. Для обратного возвращения они получили пароль «Курск». Переброска была произведена в ночь на 20 августа 1943 г. в районе г. Севск. Обстоятельства переброски, а также приметы Кромов и Волынцева совпадали с данными, которые сообщил на допросе обер-лейтенант Э. Шуппе.

Наряду с осуществлением контрразведывательной работы органы военной контрразведки активно помогали командованию и политорганам советских войск в охране военных секретов, повышении боеспособности частей и соединений. В целях сохранения в тайне замыслов командования и важнейших мероприятий, связанных с подготовкой той или иной операции, военные контрразведчики вели агентурную работу в штабах, где сосредоточивались наиболее важные секреты, и в окружении войск. Совместно с работниками транспортных органов государственной безопасности они проводили агентурно-оперативные мероприятия

на железнодорожных коммуникациях, по которым осуществлялись воинские перевозки для нужд фронта.

Большую роль играли информационные сводки органов военной контрразведки, направляемые в адрес военного командования. По неполным подсчетам, в 1943 г. органами военной контрразведки фронтов и армий военному командованию (от наркома обороны до командующих отдельными армиями) было направлено более 12 тыс. письменных информационных документов, не считая почти ежедневной передачи устной информации на всех уровнях. В них сообщались, как правило, обобщенные сведения и оценка данных о наличии и составе группировок противника на конкретном операционном направлении, определялся вероятный характер их действий, что целенаправленно использовалось в ходе подготовки и ведения Красной армией наступательных операций.

Вместе с органами военной контрразведки большую помощь нашему командованию оказывала служба радиоразведки и радиоперехвата органов НКВД — НКГБ. Она вела постоянное наблюдение за работой вражеских радиостанций, дешифровывала их радиogramмы. За годы войны органы государственной безопасности передали командованию советских войск тысячи расшифрованных радиogramм о дислокации и численном составе основных группировок фашистских войск, готовящихся наступательных и оборонительных операций противника, сосредоточении резервов и т. д. Много было перехвачено радиogramм, содержащих донесения агентов немецко-фашистской разведки, действовавших в тылу наших войск.

Важную разведывательную информацию о противнике получало военное командование от органов госбезопасности. Так, 31 августа 1943 г., в период Смоленско-Рославльской наступательной операции советских войск, командованию Западного фронта были переданы сведения о подтягивании немцами резервов в район Ельни. В августе — сентябре 1943 г. органы госбезопасности сообщили командованию Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов о дислокации и численном составе действовавших против них 1-й и 4-й танковых и 8-й армий противника и о том, что в состав 1-й танковой армии входят 40, 48 и 57-й танковые корпуса, а в состав 8-й армии — 2-й и 3-й танковые корпуса, дивизии танкового корпуса СС «Мертвая голова», «Рейх», «Великая Германия» и другие соединения. И такие примеры не единичны.

Опыт, накопленный в ходе второго периода Великой Отечественной войны, показал, что военная контрразведка принимала активное участие в обеспечении безопасности проведения крупных оборонительных и наступательных операций Красной армии. Как свидетельствуют архивные документы, органы государственной безопасности работали по сохранению в секрете планов подготовки и проведения операций, безопасности воинских перевозок, сокрытия районов расположения и сосредоточения войск главного удара и т. д.

Непосредственно во время наступления оперативный состав органов контрразведки Смерш решал также задачи по выявлению агентуры противника, предупреждению и пресечению случаев измены Родине, дезертирства и бегства с поля боя военнослужащих. Мероприятия военной контрразведки по борьбе с дезертирами, изменниками Родины, антисоветскими элементами, распространителями провокационных и панических слухов способствовали укреплению политико-морального состояния личного состава действующей армии, повышению боевой готовности частей и соединений советских войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Еременко А. И.* Дневники. Записки. Воспоминания. 1939–1946 гг. М., 2013. С. 127.
- ² Там же. С. 158.
- ³ Сборник приказов и директив Ставки Верховного главнокомандования, НКО СССР, НКВМФ СССР, Генерального штаба и начальников родов войск. В 2-х ч. Ч. II. 1943 г. М., 1970. С. 5–89.
- ⁴ Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 417.
- ⁵ Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. 1939 — март 1946 г. Сб. документов. М., 2006. С. 396.
- ⁶ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 31–32.
- ⁷ Там же. С. 54.
- ⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 5.
- ⁹ *Букейханов П.* Курская битва. Перелом. М., 2012. С. 240–241.
- ¹⁰ Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. В 2-х т. М., 2006. Т. 1. С. 623–624.
- ¹¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 358.
- ¹² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15. Д. 97. Л. 98.
- ¹³ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 330–333.
- ¹⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 402.
- ¹⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 43–45.
- ¹⁶ Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. С. 383.
- ¹⁷ Там же. С. 386.
- ¹⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 126–127.
- ¹⁹ Там же. С. 205.
- ²⁰ Там же. С. 561.
- ²¹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 21. Д. 142. Л. 147–150.
- ²² ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 405. Л. 4–5.
- ²³ Там же. Л. 46.
- ²⁴ Там же. Л. 48.
- ²⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 308–310.
- ²⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 382.
- ²⁷ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1940–1952: каталог. В 3-х т. М., 2001. Т. 3. С. 298.
- ²⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 381.
- ²⁹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 403.
- ³⁰ *Леонов И. Я.* Наш XX век. Воспоминания и размышления ветерана военной контрразведки. СПб., 2003. С. 96–98.
- ³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

- ³² Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 397.
- ³³ Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М., 1999. С. 80; На приеме у Сталина. С. 405.
- ³⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 405.
- ³⁵ Лубянка. Органы ВЧК — КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003. С. 626.
- ³⁶ Там же. С. 624.
- ³⁷ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 72.
- ³⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2.
- ³⁹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 85. Л. 1.
- ⁴⁰ История внутренних войск. В 5-ти т. М., 2011. Т. 3. С. 55.
- ⁴¹ Смерш. Исторические очерки и архивные документы М., 2003. С. 78.
- ⁴² *Христофоров В. С.* Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 103.
- ⁴³ Там же. С. 122.
- ⁴⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 27.
- ⁴⁵ Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 473.
- ⁴⁶ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 264–265.
- ⁴⁷ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 129.
- ⁴⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 50.
- ⁴⁹ Там же. С. 132.
- ⁵⁰ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 183–187.
- ⁵¹ Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. С. 406–407.
- ⁵² *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 2013. С. 138.
- ⁵³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 475.
- ⁵⁴ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 2. Д. 369. Л. 8.
- ⁵⁵ Там же. Л. 9.
- ⁵⁶ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 109.
- ⁵⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 266.
- ⁵⁸ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 618–619.
- ⁵⁹ Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 284–286.
- ⁶⁰ Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 183–190. К сожалению, личная судьба А. И. Козлова сложилась после войны драматически. По постановлению особого совещания при МГБ СССР в 1950 г. он был обвинен в разглашении секретных сведений и заключен в исправительно-трудовой лагерь на три года. Был реабилитирован в 1960-е гг., но военные заслуги А. И. Козлова государство признало лишь в 1993 г.
- ⁶¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 93.
- ⁶² Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 244.
- ⁶³ Государственная безопасность России: история и современность. С. 576.
- ⁶⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 428.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. С. 535.
- ⁶⁷ *Макаров В. Г.* Спецоперация «Литера «Э» // ФСБ: за и против. 2012. № 2 (18). С. 50–55.
- ⁶⁸ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 535–549.
- ⁶⁹ *Макаров В. Г., Тюрин А. В.* Лучшие спецоперации Смерша. Война в эфире. М., 2009. С. 82.
- ⁷⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 366. Л. 43.
- ⁷¹ Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 21. Д. 142. Л. 105.
- ⁷² Там же. Л. 109.
- ⁷³ *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 213.
- ⁷⁴ *Еременко А. И.* Указ. соч. С. 146.
- ⁷⁵ ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11. Д. 76. Л. 75.
- ⁷⁶ *Замулин В. Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М., 2005. С. 646.
- ⁷⁷ *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 62.

⁷⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16. С. 231–232.

⁷⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 369. Л. 123.

⁸⁰ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 89. Л. 30; см. также: Великая Отечественная война. Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 2. С. 156–157.

⁸¹ Русский архив: Великая Отечественная. Приказы НКО СССР. Т. 13 (2-3). С. 149.

⁸² Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 27. Д. 143. Л. 124.

⁸³ «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 24.

⁸⁴ 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. М., 2010. Т. 6. С. 310.

⁸⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 435–442.

⁸⁶ Имеется в виду Черниговско-Припятская наступательная операция, проведенная войсками Центрального фронта с 26 августа по 30 сентября 1943 г.